

ОСМЕЛ ИЩЬСЯ ВСТУПИТЬ
ВЗИТИ И В ИГРУ ?

КРИСТИНА ЦВЕТКОВА

ИГРА
СВЕТО
ТЕНИ

Кристина Цветкова Игра СветоТени

<https://litres.ru/73556493>

SelfPub; 2026

Аннотация

Перед вами двери загадочного дома с бесконечными коридорами, в котором можно попасть в любую комнату, стоит лишь подумать о ней. В этом доме проживают не менее загадочные обитатели, и происходит много странных событий. Однажды в этом доме оказывается юная Ия. Какова ее роль в этом необыкновенном доме? В игру каких высших сил она оказывается втянутой? Каковы правила этой игры? И можно ли в ней одержать победу?

Если хотите узнать ответы на эти вопросы - входите. Но будьте осторожны, игры по неизвестным правилам с могущественными игроками могут быть очень опасны...

Содержание

Часть 1. И төмен день, и ночь светла	4
I	4
II	19
III	46
IV	58
Луп	64
Тит	71
Элим	76
Фирс и Фока	84
Юст	91
Ия	97
V	102
VI	114
VII	121
VIII	135
IX	146
X	152
Конец ознакомительного фрагмента.	169

Кристина Цветкова

Игра СветоТени

Часть 1. И тёмнен день, и ночь светла

I

Был странный пасмурный день. Девушка стояла посреди гостиной мрачного дома – огромного, пожалуй, самого большого из всех, какие ей когда-либо приходилось видеть – и не могла понять, что она здесь делает. Вокруг горели несколько свечей, но их огни с трудом разгоняли сгущающийся мрак. Хаотично расставленная массивная мебель, покрывающий все слои пыли и свисающая паутина наводили на мысль, что этой комнатой давно не пользовались.

– Дорогая, теперь ты будешь тут жить. Правда, прекрасный дом? Уверена, тебе здесь очень понравится, – мать оглядела дочь со всех сторон, как лежалый товар, и стряхнула с плеч невидимые пылинки. – Господин Дивраджд Репсимэ был так любезен, что согласился нанять тебя.

– Нанять в качестве кого? – строго спросила девушка, от-

страняясь от матери и глядя на потупившего взор отца, нервно теребившего свою поношенную шляпу.

– В качестве кого? – голос матери стал удивленным. – Светлые небеса, да какая разница! Он готов предоставить тебе жилье и еду в обмен на работу по дому. Возможно, ты даже будешь получать какие-то деньги...

– Возможно?! – перебила девушка. – Что значит «возможно»? Хотелось бы знать, на каких условиях я буду жить в этом забытом Светом месте!

– Тише, – злобно одернула ее мать. – Оглядишься вокруг: этот дом лучшее, на что ты можешь теперь рассчитывать, Ия!

– Вот уж позволь с тобой не согласиться! – прошипела в ответ Ия и обратилась к отцу: – Папа, что все это значит?

Она посмотрела на него с надеждой, хотя знала, что помощи ждать не стоит.

– Дорогая моя, понимаешь... – начал было отец, избегая ее взгляда, но жена, которая уже явно потеряла терпение, прервала его:

– Мы твои родители, и мы приняли решение, так что будь любезна, умерь свой гонор и смирись, бестолковая девчонка!

– Я совершеннолетняя и вправе сама решать...

– Вправе решать?! – мать недобро сверкнула глазами. – Нет у тебя никакого права! Хватит с нас твоих решений!

Она хотела еще что-то добавить, но тут в комнату вошел мужчина. Темные волосы до плеч, аккуратно подстриженные

борода и усы. Одет дорого, но небрежно. По его внешнему виду сложно было определить возраст. Сначала Ия решила, что немного за сорок, но один поворот головы незнакомца – и вот уже чудится, что перед ней древний старик, скрывающийся под маской моложавого джентльмена. А в следующее мгновение показалось, что мужчина чуть старше нее. Ия решила, что в этой иллюзии виновата игра света и тени: тусклые огоньки горящих свечей плясали на сквозняке.

– Итак, госпожа Дисиммиарт, полагаю, у вас хватило времени, чтобы проститься с дочерью? – голос прибывшего был тихим, но вместе с тем заполнил все пространство вокруг. Складывалось впечатление, что он звучит прямо внутри головы.

– О, конечно, господин Репсимэ, – тон женщины тут же сделался угодливо-лебезящим.

– Тогда не смею вас больше задерживать, – лицо мужчины не выражало абсолютно никаких эмоций, но при этом он выглядел так, что невозможно было и помыслить спорить с ним.

Женщина неловко поклонилась, подхватила под руку совершенно потерявшегося мужа и быстро ретировалась за дверь, не проронив больше ни слова. Теперь о ней напоминала лишь потрепанная сумка на полу, в которой помещалось все незначительное имущество ее дочери.

Ия осталась наедине с хозяином этого мрачного жилища, с трудом подавляя охвативший ее страх.

Мужчина поднял пронзительные черные глаза, и она с трудом смогла сдержать дрожь под этим пристальным взглядом. Несколько мучительных минут он бесцеремонно изучал ее в полной тишине.

Ия знала, что ей особенно нечем похвастать: средний рост, худосочная фигура без выдающихся форм... Волосы уложены кое-как и выбиваются из прически непослушными прядями; поношенное и невзрачное платье, доставшееся от матери, сидит мешковато. Но, несмотря на все это, в ее огромных зеленых глазах горел вызов, а острый подбородок был гордо вздернут.

– Итак, – окончив осмотр, мужчина наконец-то нарушил тишину, ставшую почти невыносимой, – Луп поможет вам выбрать себе комнату.

Рядом с ним возник мальчонка лет семи. Густые рыжие волосы, торчащие в разные стороны, делали его прическу похожей на воронье гнездо. Парнишка глянул на Ию, склонив голову набок, шмыгнул усеянным веснушками носом и сказал:

– Ну пошли, покажу, какие комнаты еще не заняты.

Он двинулся было к двери, но тут Ия наконец пришла в себя.

– Простите, может, вам покажется это странным, но я абсолютно не понимаю, что здесь происходит.

Мальчик замер на месте, скорчив недовольную гримасу. А мужчина, вновь устремив на нее свой взгляд, спокойно ответил:

– Поверьте, юная леди, с этого дня странности станут неотъемлемой частью вашей жизни.

В голосе отсутствовали интонации, что делало его завораживающим и пугающим одновременно.

– Что все это значит? Зачем я здесь? Что должна делать?

– А что бы вам хотелось?

– Мне?! – Ия растерялась. – Мне хотелось бы уйти.

– Неужели? – мужчина недоверчиво приподнял бровь. – И есть куда идти? Насколько я понял, родители не ждут вас дома. Друзей и жениха у вас нет, как и работы. Так куда вы пойдете?

Ия почувствовала, как ее щеки заливают румянец, и опустила глаза на свои руки, сжатые в кулаки.

– Да, идти мне некуда... Но я не могу остаться, не зная, на каких правах я буду жить в этом доме. Какую роль вы для меня приготовили?

– Если вам непременно нужно играть какую-то роль, выберете ее сами... Или можете просто быть собой. В любом случае выбор за вами. – С этими словами мужчина резко развернулся на каблуках своих роскошных туфель и покинул комнату.

Ия в полной растерянности смотрела ему вслед.

– Ну ты идешь или нет? – недовольно проворчал мальчик, о котором она уже успела забыть. – Можешь, конечно, выбрать себе эту комнату, но я бы не советовал: здесь даже днем темно, как в подzemелье.

Он взял с ближайшего стола свечу и направился к двери. Она подхватила свою сумку и поспешила за ним.

– М-м-м, прости, я забыла, как тебя...

– Луп.

– Да, точно, Луп. Очень приятно. А я Ияоса, но можешь звать меня просто Ия.

– Заметано, Ия.

Они вышли из комнаты и, озаряемые лишь небольшой свечой в руке Лупа, направились к огромной винтовой лестнице, уходящей куда-то вверх – в кромешную тьму. Ия старалась не отставать от своего спутника, который шел немного впереди, периодически шмыгая носом. Когда они начали подниматься по лестнице, ступеньки под ногами приветственно заскрипели. Стараясь отвлечься от невольного сравнения этого звука со стонами, Ия нарушила молчание:

– Луп, а ты, значит, работаешь на господина Репсимэ?

Он обернулся и окинул ее недовольным взглядом.

– Я здесь живу.

Она замешкалась.

– Ты его родственник?

Луп весело рассмеялся. Свеча в его руке запрыгала, отчего тени на стенах заплясали.

– Скажешь тоже! Меня сдали родаки. Собственно, как тебя и всех остальных, полагаю, хотя не могу утверждать наверняка.

– Остальных? – она не смогла скрыть своего изумления.

– И много здесь остальных?

Луп уже забрался на верхнюю ступеньку и нетерпеливо

подждал, когда она догонит его.

– Тит, Фирс и Фока, Юст, Орест и Элим, ну а теперь еще и ты.

Ия ахнула, не в силах скрыть изумления.

Вскоре – как в подтверждение слов Лупа – в длинном темном коридоре послышались хлопки закрываемых дверей.

– Вон все попрятались. Но ничего, скоро с ними познакомишься. Просто ты первая девчонка, которая здесь появилась. – Луп повел Ию по коридору, указывая на двери: – Это комната Тита, напротив живет Юст, дальше Фирс и Фока – они братья. Только не пугайся, когда увидишь их, – они славные. Тут обитает Орест. Он диковат: появился здесь последним, не считая тебя, и, наверное, не освоился еще. Там Элим – он почти не говорит, так что собеседник из него так себе. А это моя комната. Дальше все помещения свободны, можешь выбрать любое.

Он остановился и протянул ей свечу.

– Так сколько лет всем этим мальчикам?

Луп вздохнул и, пожав плечами, ответил:

– Ну, от четырех до двенадцати. Где-то так. Орест самый младший, Юст старший, остальные посерединке.

Он снова протянул ей свечу, на этот раз настойчивее.

Ия взяла ее, но прощаться со своим проводником не спешила.

– Вижу, что тебе не терпится отделаться от меня, но не мог бы ты ответить еще на несколько вопросов?

Выдавив из себя протяжный обреченный вздох, Луп неохотно кивнул:

– Ну валяй, спрашивай.

– Так чем вы все занимаетесь?

– Я же сказал: живем. Мы все здесь, потому что никому не нужны.

– Мне очень жаль.

– Жаль?! – изумленно воскликнул Луп. – Да это лучшее из того, что могло с нами случиться!

Она не знала, как реагировать на эти слова. Луп, заметив ее замешательство, снизошел до объяснений.

– Ну вот возьми хотя бы Фирса и Фоку. Родители с самого рождения считали их проклятыми, постоянно били... Хозяин хорошо заплатил за ребят. Теперь они живут здесь, и больше их никто пальцем не трогает.

Посчитав, что дал исчерпывающие объяснения, Луп побежал обратно по коридору к лестнице, вскочил на перила и покатился вниз – в темноту.

Оставшись одна, Ия неуверенно огляделась. Все двери, которые они миновали, оставались закрытыми. Решив, что сейчас не лучшее время для знакомства с остальными жильцами, она попыталась осветить противоположный конец коридора. Тот уходил вдаль, и по обеим его сторонам тоже виднелись двери. Много дверей. Казалось, коридор тянется в непроглядную тьму.

«Конечно, это мне из-за темноты мерещится. Бесконеч-

ных коридоров не бывает», – решила Ия, однако так и не набралась духу проверить свою догадку. Вместо этого она толкнула первую попавшуюся дверь и осторожно заглянула внутрь.

Тусклый свет свечи выхватил из темноты кровать в центре комнаты. Осмелев, Ия переступила порог и начала осматриваться. Судя по всему, помещением давно не пользовались: по углам валялся какой-то хлам, все кругом покрывал толстый слой пыли. Кровать была огромная и занимала почти все пространство. У одной из стен обнаружился камин, рядом с ним – охапка дров. Ия, которой не хотелось бродить в потемках по странному пугающему дому, решила, что эта комната ей вполне сгодится для ночевки. А утром она подумает, что же делать дальше.

Ия уронила сумку на пол, подняв облако пыли, и подошла к камину. Присев на корточки, закинула в него несколько поленьев и попыталась разжечь огонь.

В этот момент дверь с шумом отворилась, и в комнату бежал Луп.

От неожиданности Ия вздрогнула и уронила свечу прямо в камин. Та тут же потухла.

– Как же ты напугал меня!

– Прости, я просто хотел отдать тебе вот это.

Он протянул ей нечто, по форме напоминающее керосиновую лампу. В темноте было сложно рассмотреть.

– Это лампа? – уточнила Ия, прежде чем принять из рук

Лупа странный предмет.

– Типа того, – уклончиво ответил он.

– Что же, спасибо! Но мне теперь нечем ее зажечь, свеча из-за тебя потухла.

– Кто же знал, что ты такая трусиха, – усмехнулся Луп, – я думал, взрослые не боятся темноты.

– Придется тебя разочаровать: взрослые так же трусливы, как и дети, просто лучше это скрывают. – С этими словами она забрала лампу. – А теперь не подсказешь, где здесь можно раздобыть спички?

– Для этой лампы они не нужны. Там на корпусе есть колесико, покрути его.

Ия нащупала ребристое колесо и повернула его, не ожидая, однако, никакой реакции: решила, что мальчишка просто хочет ее разыграть.

– Только не слишком сильно, а то с непривычки глаза могут лоп... Ай!

Комната в один момент озарилась таким ярким светом, что они невольно зажмурились.

– Я же сказал, не слишком сильно! – завопил Луп.

Ия на ощупь нашла колесико и крутанула его в обратную сторону. Свет тут же погас, и комната вновь погрузилась в темноту. Только пятна скакали перед глазами.

– Что это было? – воскликнула она ошарашенно.

– Изгоняющая тень лампа. Так мы ее зовем.

Луп вырвал у нее из рук упомянутый прибор и сам осто-

рожно повернул колесико.

И тут же комната озарилась светом, который на этот раз не выжигал глаза.

Ия потерла веки, пытаясь избавиться от ярких точек, вспыхивающих при каждом моргании.

– Что за проделки Тьмы?!

– Я же сказал, изгоняющая...

– Да я поняла, – раздраженно перебила она, – но откуда в этой штуке столько света?

Действительно, небольшая лампа внешне ничем не отличалась от обычной – керосиновой, только свет, струящийся из нее и заполняющий даже самые отдаленные уголки комнаты, был невероятно ярким.

Ия огляделась: что-то казалось ей неправильным. Что-то не так. Какая-то странность, которую она не могла уловить.

Молча наблюдавший за ней Луп довольно хмыкнул:

– Классно, правда?!

И тут до нее наконец дошло: вся комната была залита абсолютно ровным светом, словно у него не было источника.

– Ни одна вещь не отбрасывает тени... – произнесла она задумчиво.

– Ага! Изгоняющая тень, как я и сказал.

Луп сиял, видя изумление новой соседки.

– Это невозможно... – Ия продолжала озираться по сторонам.

– В этом доме возможно все! Привыкай.

В высшей степени довольный собой Луп поставил лампу на стол и быстро выскочил из комнаты, хлопнув дверью.

– Бред какой-то! – выдохнула Ия.

Отсутствие теней ошеломляло и пугало, но она решила не заикливаться на этом. Теперь, когда света было достаточно, она смогла разглядеть комнату в мельчайших деталях. Помещение было небольшое, с минимумом мебели: имелись лишь несоразмерно огромная кровать с балдахинном, знававшим лучшие времена, пара стульев, один из которых лежал у окна, а второй стоял у противоположной стены. У камина опасно заваливался на бок стол; рядом обнаружилось что-то, напоминающее секретер, также загроможденный хламом. Выпавшие из него ящики лежали на полу и походили на вывалившиеся внутренности. По углам в беспорядке валялись старые книги, какие-то бумаги и куча разного тряпья.

подавив обреченный вздох, Ия подошла к столу и в надежде узнать причину опасного крена заглянула под свисающую дырявую скатерть непонятного цвета. Под ней оказалась прекрасная резная ножка, похожая на ствол дерева с четырьмя корневыми отростками на концах. Под одним из этих корешков лежала стопка книг. Выбив ее ногой, Ия избавила стол от наклона, приведя его в горизонтальное положение.

Она еще раз огляделась по сторонам и подумала: «Если действительно останусь здесь жить, придется очень попо-

теть, чтобы привести это место в достойный Света вид!»

Сейчас же Ия была не в силах что-то решать. Она устало опустилась на кровать. Тут же в воздух взметнулось огромное облако пыли, вызвав надрывный кашель.

«Да здесь тысячу лет не ступала нога человека! Что это за место вообще такое?!» – думала Ия, натянув на нос ворот платья.

Когда пыль немного осела, Ия окинула оценивающим взглядом свою новую кровать. Под покрывалом оказалось неплохое постельное белье, мягкие подушки и теплое одеяло. И все это без пыли!

Недолго думая, Ия погасила лампу, быстро нырнула в кровать и зарылась под одеяло. Одежду не снимала – лишь скинула старые неудобные ботинки.

«Вряд ли мне удастся заснуть, но под одеялом гораздо уютнее и подушки такие мягкие...» Не успела она закончить мысль, как ее сморил сон.

II

Проснувшись, Ия поначалу не могла понять, где она. Потом события вчерашнего дня ожили в памяти. Ия резко села в постели, испуганно оглядываясь по сторонам. Она по-прежнему находилась в той самой комнате, которую выбрала вчера. На столе все так же стояла невозможная лампа; на полу валялось сброшенное покрывало; остальной беспорядок тоже был на месте: горы барахла и вековой пыли. Со стоном Ия уронила голову обратно на подушку.

Раздался стук, заставивший ее невольно вздрогнуть.

– Эй, ты проснулась? – послышался громкий шепот Лупа из-за двери.

Помедлив, Ия все же ответила:

– Да, проснулась.

В ту же секунду дверь распахнулась.

– Ну наконец-то, я уж думал, ты проспичь весь день! – Луп бесцеремонно переступил порог.

– Эй! – ошеломленно воскликнула Ия, натягивая одеяло до самого подбородка. – Тебя не учили, что нельзя входить в чужую комнату без разрешения?!

Луп замер, удивленно склонив голову набок.

– Нет, – просто ответил он.

Ия немного растерялась, но постаралась не подать виду.

– Ну тогда... тогда я говорю сейчас, что входить в чужую

комнату без разрешения нельзя.

– Почему?

– П... потому что... Я могла быть неодета...

– Но ты одета.

У Ии вырвался раздраженный вздох.

– Какая разница! – она откинула одеяло и выбралась из постели. – Я могла заниматься чем-то, что ты не должен видеть или... еще что-то. Нельзя входить без разрешения в чужую комнату, просто запомни это! Причина не так уж важна, это правило приличия.

Луп равнодушно пожал плечами:

– Как скажешь. Но если не хочешь видеть гостей, лучше запирай дверь, а то мало ли...

– Мало ли ЧТО? – Ия испуганно посмотрела на Лупа.

Тот замялся.

– Ну не знаю... Короче, это неважно! Я запомнил, что входить к тебе без разрешения нельзя.

– Не только ко мне, вообще ни к кому...

– Э-э, нет, вот об этом мы уже не договаривались!

Не успела Ия что-то возразить, как он продолжил:

– Я че хотел-то... Ты долго спала, а у нас тут, знаешь ли, кто первый встал, тот и наелся.

– И что это значит? – Ия непонимающе подняла брови.

– Ну того, короче, жрать там тебе нечего... Всё уже слопали...

– Жрать?! О Милостивый! – в отчаянии она закрыла ли-

цо руками. – Кто-нибудь вообще занимается вашими манерами? Обучением? Воспитанием? – слегка растопырив пальцы, Ия посмотрела на Лупа. Тот покраснел.

– Ну, мы тут как бы сами по себе... – он опустил взгляд и теперь рассматривал что-то на полу.

– А как же господин Репсимэ?

Сердце Ии невольно прониклось сочувствием к детям и наполнилось негодованием по отношению к хозяину этого дома. Она убрала руки от лица и едва сдержалась, чтобы не обнять стоявшего перед ней Лупа.

– А при чем здесь он? – тот с вызовом вздернул подбородок. – Господин Репсимэ дает нам все, что нужно!

– Очевидно, это не так.

– Ты ничего не понимаешь!

– Так объясни мне.

– Здесь нечего объяснять. Либо сама поймешь, либо нет.

Не дожидаясь ответа, Луп выскочил за дверь.

– Постой, я не хотела тебя обидеть! – Она живо надела свои потрепанные башмаки и, выбежав из комнаты, бросилась вслед за мальчиком.

– Как я уже сказал, есть там нечего, – сообщил он, не оборачиваясь, – но я могу послать Тита, он купит, что нужно.

– А когда я увижу господина Репсимэ? – Ия догнала Лупа и шла рядом торопливым шагом, стараясь не отставать.

– Сейчас он работает. Обычно мы собираемся все вместе за ужином.

– Господин Репсимэ тоже?

– Да.

Они достигли конца коридора и начали спускаться по лестнице. В голове Ии роилось множество вопросов, которые ей не терпелось задать хозяину этого дома. Луп прервал ее мысли.

– Так нужно что-то купить или ты решила дожидаться обеда? – он смерил ее нетерпеливым взглядом. – Только лучше продукты закажи, иначе будешь есть, что выберем мы, а тебе это вряд ли понравится. – В ожидании ответа Луп нахмурился, шмыгнув носом.

– А что вы обычно едите?

– Бутеры в основном. Еще конфеты и печенье с молоком. Иногда яйца, но мы не любим готовить, поэтому они часто бывают подгоревшими или недоваренными.

– Ладно... – вздохнув, она мысленно добавила еще один пункт в свой воображаемый список того, что нужно обсудить с господином Репсимэ. – Я напишу, что купить. Тит умеет читать?

– Скорее всего.

Спустившись с лестницы, Луп остановился и выжидающе посмотрел на свою спутницу.

Она с трудом подавила вздох отчаяния, рвущийся из груди, и продолжила как можно спокойнее:

– Тогда веди меня на кухню, носи бумагу и карандаш. Будет вам список.

Луп скрестил на груди руки и в очередной раз смерил ее недовольным взглядом.

– Хорошо, но только учти: я тебе не прислуга. Мы все здесь на равных. Я помогаю тебе, потому что ты новенькая, но потом сама справляйся!

– Я и не думала тебе приказывать, прости, если так показалось. Я очень ценю твою помощь.

Удовлетворенно кивнув, Луп развернулся и пошел дальше. Ия последовала за ним. Осмотревшись, она поняла, что находится не в той комнате, где была вчера. Но как же так? Ведь, спустившись по лестнице, они должны были оказаться именно там. Она не преминула спросить об этом своего спутника, но тот лишь усмехнулся:

– Там сейчас делать нечего, мы спустились по другой лестнице.

– Разве? – Ия оглянулась и посмотрела на лестницу. – А мне показалось, что мы шли тем же путем.

– Путь тот же, но место назначения другое.

Луп не останавливался, и Ия решила оставить свои вопросы на потом, чтобы не раздражать его еще больше.

Тем временем они пересекли тускло освещенную комнату. Свет здесь проникал лишь через крохотные окошки, расположенные у самого потолка. В лучах солнца, которые едва пробивались сквозь сплошь затянутые паутиной мутные стекла, кружилась пыль. Видимо, именно она властвовала в этом доме: была повсюду – куда ни глянь.

Луп толкнул ногой скрипучую дверь, и они оказались, по всей видимости, на кухне. Ия зажала рукой рот, чтобы сдерживать ругательства, едва не сорвавшиеся с губ при виде представшей перед ней картины. Она уже успела привыкнуть и к паутине с пылью, и к тому, что кругом валяется не пойми что, но тут дела обстояли гораздо хуже. Милостивый, да в ее словарном запасе даже не нашлось приличных слов, чтобы описать, насколько хуже!

В помещении царил такой беспорядок, что Ия не могла сосредоточиться на чем-то конкретном. Стоявший посреди комнаты стол был завален невымытой посудой. Некоторые чашки опрокинулись, вокруг расплзлись отвратительные бурые пятна. Грязные тарелки возвышались неаккуратными горами, грозившими свалиться при одном неосторожном касании. Плита имела настолько неопределенный цвет и была покрыта таким слоем жира и копоти, что больше напоминала какое-то болотное чудовище. Шкафы и тумбочки смотрели на вошедших, жалобно разинув покосившиеся дверцы, за которыми виднелись полки, заваленные Тьма разберет чем. Некоторые ящики были выдвинуты, а какие-то отсутствовали вовсе. На стены и потолок просто страшно было смотреть.

– Тьма вездесущая, что здесь творится?! – только и смогла сказать Ия, когда обрела дар речи.

Луп равнодушно огляделся.

– Ну, здесь небольшой беспорядок. Мы не очень любим убираться...

– НЕ-БОЛЬ-ШОЙ! – Ия снова едва сдержалась, чтобы не

выругаться. – Да это место похоже на свалку отходов. Я боюсь даже переступить порог, опасаясь, что подошва моих ботинок намертво прилипнет к тому, что когда-то было полом.

– Ты преувеличиваешь, – отмахнулся Луп. – Вот, смотри, я спокойно хожу, – он сделал несколько шагов по кухне, – видишь, подошвы лишь слегка прилипают.

Ия обреченно возвела глаза к потолку в немой молитве.

– А раковина есть в это забытом Светом месте?

– Конечно, вон там, в углу.

Она проследила взглядом за его рукой.

– Там нет никакой раковины, лишь гора мусора.

– Она есть, прямо под той кучей пустых коробок.

– О Милостивый... – больше Ия ничего не смогла добавить.

– Ну это, ты тут располагайся, а я сгоняю за Титом.

Луп прошмыгнул мимо Ии и скрылся в неизвестном направлении, а она так и осталась стоять у двери, не решаясь переступить порог.

– Луп сказал, у вас есть для меня поручение, – раздался за ее спиной вкрадчивый голос.

Она быстро обернулась и увидела перед собой мальчика лет десяти – невысокого для своего возраста, худощавого, но в меру. Темные волосы выбивались из-под надвинутой почти на самые глаза кепки и торчали в разные стороны. Рукава и штанины одежды были ему коротковаты, из-за чего он выглядел слегка комично, но вполне опрятно, что странно для

этого места.

– Ты, должно быть, Тит? А я Ия, – она неуверенно протянула ему руку для приветствия, и он без стеснения ее пожал.

Выражение его лица невозможно было разглядеть из-за тени, отбрасываемой козырьком.

– Говорите, что нужно, я мигом все достану.

– Полагаю, в доме вообще нет никаких продуктов?

– Тех, что вам стоило бы пробовать, очевидно, нет.

– У тебя есть бумага? Я составлю список.

– Диктуйте, я запомню.

Тит говорил серьезно, и Ия даже не решалась с ним спорить. Его тон настолько не соответствовал его возрасту, что ей стало немного не по себе.

– Ладно, дай подумать... – она попыталась собраться с мыслями, – прежде всего, купи молока, яиц и муку, мясо или рыбу, неплохо бы еще овощей, хлеба и сыра. Не знаю, какой именно бюджет должен быть...

– Я все куплю.

Он быстро кивнул и тут же убежал с невероятной скоростью, не дав Ие опомниться.

Вновь оставшись одна, она окинула кухню обреченным взглядом, пытаясь придумать, как бы превратить это забытое Светом помещение в место, где можно хоть что-то приготовить.

– Так значит, ты всерьез решила взяться за наше питание?

От неожиданности Ия вздрогнула.

– Луп! – она резко обернулась и увидела прямо перед собой рыжие вихры. – Очевидно, ты желаешь мне смерти!

– Что?! – его лицо выражало неподдельное удивление. – Я никому не желаю смерти. Ну, почти никому.

– Тогда, Света ради, не подкрадывайся ко мне! И так жутко, да еще ты вечно появляешься словно из воздуха.

– Да ты реально трусиха.

Она хотела ему возразить, но сдержалась, здраво рассудив, что пререкания с ребенком не делают ей чести.

Не дождавшись ответа, Луп вернулся к интересующей его теме.

– Так ты будешь готовить?

– С удовольствием, если мне удастся привести это чудовище, которое, вероятно, когда-то было плитой, в более или менее подобающий вид.

– Милостивый, ты всегда так мудрено говоришь? – Луп наигранно закатил глаза.

– Я приготовлю еду, если смогу отдраить эту отвратительно грязную плиту! Так яснее? – Ие с трудом удавалось скрыть свое раздражение.

– И ты сможешь приготовить что-то? Помимо горелых яиц? – он посмотрел на нее, недоверчиво сощурившись.

– Да, если только отдраю...

– Тогда жди меня здесь. Я сгоняю к бабке Фрузе и вернусь, не успеешь глазом моргнуть!

Не дожидаясь ответа, он скрылся за дверью.

– Тьма не разберет, что происходит в этом доме. Похоже, здесь живут только ненормальные. И кажется, теперь я одна из них.

Набравшись храбрости, Ия все же переступила порог и решительно двинулась к куче, в недрах которой, по словам Лупа, скрывалась раковина. Ия старалась не обращать внимания на прилипающие к полу подошвы ботинок. В ее голове начал вырисовываться план действий: первым делом следует добыть воду, а для этого необходимо вызволить раковину из-под горы мусора. Затем нужно попытаться отмыть плиту, не мешало бы также освободить стол. Сейчас это важнее всего. Остальным можно заняться позже.

Дойдя до груды пустых коробок, валявшихся вперемешку с грязной посудой, Ия огляделась по сторонам. Под столом обнаружилась тряпка неопределенного цвета. В былые времена, возможно, она служила скатертью, а сейчас отвратительно выглядела и жутко воняла – так, что от одного прикосновения к ней возникали рвотные позывы. С трудом переборов себя, Ия расстелила бывшую скатерть на полу и принялась складывать в нее весь мусор, отделяя его от того, что еще можно было попытаться отмыть. Вскоре из-под бесформенной груды показалась раковина. Разумеется, ее вид тоже вызывал лишь отвращение, но надежда добыть хоть какую-то воду все же придавала оптимизма. Вопреки ожиданиям, из крана полилась кристально чистая вода. Некоторое время Ия в изумлении смотрела на нее: дом запущен до ужа-

са, кругом царит беспорядок, но при этом из крана течет вода, сравнимая с родниковой. Это казалось чудом похлеще Изгоняющей тень лампы!

– Я же говорил, что там есть раковина.

Оглянувшись, Ия увидела Лупа, стоящего в дверях с самодовольной улыбкой на слегка покрасневшемся лице. По сбивчивому дыханию можно было сделать вывод, что он очень спешил.

– Вот, – он протянул какую-то склянку с жидкостью.

Прежде чем взять странного вида бутылку, Ия решила уточнить ее назначение: еще слишком свежи были воспоминания об Изгоняющей тень лампе.

– Что это, позволь узнать?

– Супермощная настойка от бабки Фрузе. Она уверяла, что одна капля способна отчистить что угодно, «даже твою чумазую душу». Это она про мою душу, – уточнил он, уже привычно шмыгнув веснушчатым носом.

Ия нерешительно протянула руку за бутылкой.

– И как ей пользоваться?

– Старая ведьма сказала, что нужно капнуть на то, что хочешь отмыть, и, когда прекратится шипение, просто протереть тряпкой.

– Какое шипение? – Ия настороженно свела брови.

Луп равнодушно пожал плечами.

– Понятия не имею. Капни – сама узнаешь.

Ия лишь вздохнула в ответ на такое «подробное» объяс-

нение.

– Ладно... Эта бабка, она что, действительно ведьма?

– Да кто ее знает. Она стара, как вечная тьма, и страшна, как ее темный прислужник. Хотя дом старухи полон света. Так что не разберешь, на чьей она стороне. Но одно я знаю точно: ее средства всегда помогают.

Вручив Ие бутылку, Луп уже собрался уходить, но она явно не хотела его отпускать.

– Эй, а куда это ты?

Он замер на месте.

– Ну я... по своим делам. Не хочу мешать тебе тут.

– Ну уж нет! Так не пойдет! Видишь ту гору мусора? – она указала на кучу пустых коробок и каких-то огрызков, сваленных на старой вонючей скатерти.

– Вижу, но с удовольствием не смотрел бы на нее, – Луп с отвращением наморщил нос.

– Вот тут я с тобой полностью согласна, а потому, будь добр, отнеси этот отвратительный хлам на помойку. А я попытаюсь воспользоваться подозрительным зельем ужасной старухи на свой страх и риск.

– Почему это я должен возиться с этой мусорной кучей?!

– Скорее всего, потому, что ты один из тех, кто приложил руку к ее созданию. Или я не права? – она строго посмотрела ему в лицо, вызываяще приподняв бровь.

Луп, явно недовольный, поплелся к мусору, продолжая бурчать себе под нос:

– Свинячили мы все вместе, а разгребать почему-то должен я один... Прав был Тит, что от девчонок только неприятности...

– Ох, ну извините, что хочу привести эту помойку в место, куда лучам света будет не страшно заглянуть.

Ответом был лишь еще один вздох, выражающий максимальное негодование, и какое-то нечленораздельное мычание.

Ия проводила взглядом недовольного мальчишку, волочащего за собой гору мусора, и едва сдержала смех.

Уже скрывшись за порогом, Луп снова подал голос:

– Учти, я делаю это только потому, что ты обещала нам еду. Очень надеюсь, что умеешь готовить, иначе... – он не договорил, но тон был настолько угрожающим, что Ия больше не смогла сдерживаться и расхохоталась во весь голос.

Несмотря на недоверие к странному зелью, она решила его испытать, ибо прекрасно осознавала: оттереть кошмарную плиту можно лишь при помощи чуда. И ведьмино зелье действительно помогло: одна капля заставила отвратительную жирную корку пузыриться и шипеть, а когда этот звук стих, на плите осталась лишь мерзко пахнувшая бурая жижа. Вытерев ее, Ия с изумлением увидела кристально чистую поверхность. Не верилось, что всего несколько минут эта сверкающая белизной плита была ужасным грязным монстром.

Вслед за плитой преобразился стол и раковина. В нее Ия поместила невытую посуду. И снова одна малюсенькая кап-

ля зелья – и струи воды превратили заляпаннные чашки, тарелки и ложки в идеально чистые.

Глаза Ии сверкали от восторга! Она капнула волшебное средство на липкий пол непонятного цвета – и взору предстала чудесная мозаика, ранее скрывавшаяся под слоями грязи. Зелье отмывало все: деревянные, железные, чугунные поверхности, серебро и медь, плитку и стекло. Все вокруг блестело так, словно этими вещами никогда не пользовались.

«Пожалуй, ведьма права, этим средством можно отмыть и чумазую душу!» – усмехнулась про себя Ия, продолжая наводить порядок.

– Я принес все, что вы заказы... Свет, тьму озаряющий!

Ия обернулась и увидела на пороге кухни Тита. Он стоял с полными корзинами продуктов в руках и отвисшей челюстью.

– О, Тит, проходи! Поставь корзины на стол. Сейчас я закончу с этими шкафами и примусь за готовку.

– Я точно не ошибся домом? – он посмотрел на свои пыльные ботинки и, казалось, не мог решиться ступить ими на сверкающий чистый пол.

Заметив его растерянность, Ия отложила тряпку, взяла у него корзины и отнесла их на стол.

– Это все чудо-зелье бабки Фрузе. Так, кажется, назвал ее Луп, – глядя на изумленного мальчишку, она не могла скрыть довольную улыбку.

– Ну что же... Ясно... – опомнившись, Тит постарался вновь придать своему лицу бесстрастное выражение. – Может, будут еще какие-нибудь поручения?

– Нет, благодарю, – она окинула взглядом содержимое корзины, – ты купил все, что нужно, и даже больше. Сейчас закончу с уборкой и примусь за готовку. Наверное, вы уже проголодались?

Тит пожал плечами:

– Мы свора пацанов, мы всегда голодные.

– Хорошо, тогда займусь готовкой прямо сейчас. Но учти сам и передай остальным: за стол будут допущены только мальчики с чистыми руками и лицами. Если таковые имеются в этом доме.

Тит молча кивнул и удалился, несколько раз обернувшись напоследок, словно опасаясь, что увиденное лишь мираж, который исчезнет, стоит отвести от него взгляд.

Ия тем временем принялась разбирать содержимое корзины, отмечая про себя, что Тит действительно купил много продуктов отличного качества, хотя от мальчика его возраста сложно было ожидать разборчивости. Тем не менее все овощи и фрукты были наисвежайшими, а такого хорошего мяса и рыбы она в жизни не видела (ведь обычно мясники приберегают лучший товар для самых богатых клиентов). Как удалось мальчику в коротких штанишках уговорить жадных до денег торговцев продать все это, просто не укладывалось в голове! Хотя... В последнее время у Ии мно-

го чего не укладывалось в голове, поэтому вместо размышлений она взялась за готовку. И заваленный старым хламом и пропитанный пылью дом, вероятно, впервые за долгое время наполнился ароматами шкворчащего на сковороде мяса, бурлящего в кастрюле супа и подрумянивающихся в духовке пирожков.

Встав к плите, Ия уже не могла остановиться: в памяти всплывали старые бабушкины рецепты; руки, независимо от головы, тут же начинали что-то резать, смешивать, посыпать пряными травами. Увлечшись готовкой, она не замечала, как у двери в кухню появляется все больше взерошенных мальчишеских голов. Семь пар огромных глаз светились восторгом, носы шевелились, улавливая аппетитные запахи, а рты не переставая сглатывали набегающую слюну. Наконец неимоверно громкое урчание чьего-то живота заставило Ию отвлечься и обернуться.

Вид представшей перед ней разношерстной компании поначалу поверг в шок, но она быстро взяла себя в руки и обратилась к мальчишкам как ни в чем не бывало:

– А, вот и вы!

Ия старалась говорить уверенно и при этом не тарашиться на бедных детей, хотя последнее давалось с большим трудом.

– Мы почувствовали запахи и решили, что, возможно, это самое... ну то есть, может, уже пора обедать... – начал Луп, одной рукой нервно теребя спутанные рыжие волосы, а другой вытирая беспрестанно шмыгающий нос.

– Если ваши руки достаточно чистые, можете садиться за стол.

С этими словами она направилась к горе вымытых тарелок, которые еще не успела расставить в шкафу. Мальчишки за ее спиной ринулись к столу, толкаясь локтями.

– Это мое место!

– С каких пор?

– Я хочу сидеть здесь...

– Я тоже хочу...

– Отвали, это мое место!

Ия резко обернулась на поднявшийся гвалт.

– Так! – начала она громко, стараясь перекричать свору орущих детей. – Что это за стая диких собак на моей кухне?!

Мальчишки тут же смолкли и замерли на месте.

– Никаких драк и препирательств я здесь не потерплю, – продолжила Ия менторским тоном, – сейчас же заняли ближайшие свободные места!

Ребята переглянулись и тут же расселись за столом, не издав при этом ни единого звука.

– Отлично! – она вернулась к тарелкам. – На первое у нас овощной суп.

Тут за спиной раздался чей-то недовольный шепот:

– Ненавижу овощи.

Ия резко обернулась и увидела семь замерших статуй с опущенными глазами.

– Вы что-то сказали? Я не расслышала, – ей едва удавалось

сдерживать улыбку.

Семь голов одновременно задвигались из стороны в сторону.

– Значит, мне послышалось, – возвращаясь к прерванному занятию, Ия надеялась, что никто из сидящих за столом не заметит, как ее плечи слегка подергиваются от немого смеха.

Ия принялась нарезать хлеб и наполнять тарелки. Она еще раньше заметила, что они отличались друг от друга – разные рисунки, цвета, глубина, форма.

Вскоре все было готово, но никто не решался притронуться к еде первым.

Ия не выдержала и рассмеялась:

– Ну же, чего вы замерли как истуканы, давайте налетайте!

В тот же миг все руки метнулись к ложкам, а еще через секунду послышалось хлюпанье и чавканье.

«Ладно, еще будет время поговорить о манерах, а пока пускай поедят в свое удовольствие», – отметила про себя довольная повариха.

Суп закончился почти мгновенно.

– Будьте так любезны, уберите пустые тарелки в раковину, а я тем временем положу второе.

– Будет еще еда?! – раздался удивленный возглас, судя по голосу, Лупа.

– Будет, если вы уберете за собой.

Все тут же повскакивали со своих мест и ринулись к ра-

ковине, толкаясь и пререкаясь.

Ия лишь обреченно вздохнула, расставляя новые порции на столе. Когда мальчишки вновь поспешно расселись, на их лицах застыло изумление.

– Тьма меня побери, а Свет убереги! Я в жизни не ел ничего, что пахло бы так умопомрачительно вкусно! – вновь высказался за всех Луп.

Ия не выдержала и расхохоталась. Следом за ней ребята тоже начали посмеиваться.

Когда все вновь налетели на еду, она положила порцию и себе. Пока она готовила, голод отступил, но сейчас вернулся и требовал утоления. И Ия не стала противиться.

Ей было оставлено место во главе стола. По правую руку сидел Тит, на его голове по-прежнему красовалась кепка, сползающая на глаза и скрывающая большую часть лица. Рядом с ним устроился самый юный участник этой странной компании – светловолосый и голубоглазый мальчуган лет пяти. Невероятно красивый малыш был похож на посланника Света во плоти. Его одежда, в отличие от нарядов Лупа и Тита, была хорошего качества: лазурного цвета штанишки, рубашечка, очевидно, когда-то белая. Вещи явно недешевые, хотя порядком поношенные и грязноватые.

Далее сидел мальчик, светлые, почти бесцветные глаза которого удивительным образом сочетались с абсолютно черными волосами, подстриженными довольно коротко. Он ел, не поднимая взгляда от тарелки. Одежду парнишке словно

одождали разные люди: брюки явно велики, а потому штанины закатаны, причем левая почти распустилась и свисала до пола; башмаки из разных пар – один рыжий, другой черный с дырой, из которой выглядывал большой палец. Клетчатая рубаша ребенку была мала и к тому же неправильно застегнута, поэтому сидела криво. Глядя на него, хотелось смеяться и плакать одновременно.

Напротив Ии прямо по центру восседал Луп. Несмотря на то что мальчик был не самым старшим в этой компании, он явно занимал в ней главенствующее положение. Возможно, все дело в его невероятной коммуникабельности или в том, что он стал первым, кто оказался в этом странном доме. Одежда Лупа выглядела чистой и подходящей по размеру, но рубашка с расстегнутыми манжетами торчала из штанов, а один носок сполз. А еще он небрежно повязал ярко-оранжевый шейный платок, как будто огненно-рыжие волосы и рассыпанные по всему лицу веснушки привлекали к нему недостаточно внимания.

По левую руку от Ии сидел высокий русоволосый мальчик лет двенадцати. Он ел непринужденно и изо всех сил старался не демонстрировать своего восторга, хотя это не всегда ему удавалось. Мальчик обладал аристократичной внешностью и безупречной осанкой, что явно выделяло его на фоне остальных детей. Да и одет он был безукоризненно: кроме рубашки и штанов, на нем был пиджак. Складывалось впечатление, что парень принадлежит к другому миру и оказал-

ся в этой разношерстной компании по ошибке.

Рядом с ним сидели близнецы-альбиносы, лет пяти-шести на вид. Абсолютно белая кожа делала их похожими на привидения. Как и у большинства собравшихся за столом, волосы у братьев были спутаны, торчали в разные стороны и лезли в глаза – светло-розовые, испуганные. Ветхая одежда зияла дырами, а обувь и вовсе отсутствовала. Движения мальчиков были бесшумными и абсолютно синхронными. Это пугало и завораживало одновременно, как, впрочем, и многое другое здесь.

После беглого осмотра Ия поняла, что, наладив питание юных обитателей странного дома, следует заняться их внешним видом.

– Не мешало бы нам познакомиться, – она быстро пробежала глазами по всем собравшимся. – Меня зовут Ия, и, судя по всему, я буду жить здесь какое-то время.

Ответом ей была тишина, которую вскоре прервал протяжный вздох.

– Ладно, раз никто не хочет говорить, значит, мне придется отдуваться за всех. Как обычно, – Луп наигранно закатил глаза.

– Ну что ж, будь так любезен, – с улыбкой произнесла Ия.

– Итак, – он ткнул вилкой в сторону Тита, – этого ты уже знаешь. С ним рядом жметя Орест. Я тебе говорил, что он самый младший из нас и сдали его сюда незадолго до тебя. Сколько тебе, Орест?

Маленький мальчик лишь еще ниже опустил голову, почти коснувшись лбом стола.

– Ему четыре, – вместо него ответил Тит, злобно сверкнув глазами в сторону Лупа.

Ия хотела подойти к бедному ребенку и пожалеть его, но сдержалась, осознавая, что для начала нужно заслужить его доверие. Сейчас, судя по всему, Орест больше всех доверял Титу, а тот защищал малыша. «Ладно, все по порядку, – решила она, – сначала знакомство, потом дружба».

– Хорошо, проехали, – продолжил тем временем Луп. – Этот светлоглазый чудик – Элим.

Элим не удостоил говорившего взглядом и даже бровью не повел.

– Да, Элим, очень приятно было с тобой пообщаться, как всегда, – рыжеволосый провокатор выждал еще время, но так и не получив ответа, продолжил: – С другой стороны от тебя сидят Юст и близнецы Фирс и Фока. Кто из них Фирс, а кто Фока, сама Тьма не разберет, но это и неважно: они всегда ходят парой, как приклеенные.

Братья одарили оратора недовольным взглядом, но промолчали.

– Ну вот и вся наша веселая компания. Спасибо мне, – закончил Луп, картинно поклонившись.

– Благодарю, хотя тебе и не мешало бы относиться к окружающим с большим уважением.

– Поверьте, – неожиданно подал голос Юст, – несмотря

на показную браваду, этот рыжий души не чаёт в каждом из нас. Мы ведь ежедневно скрашиваем его пребывание в жестоком мире, который повернулся к большинству из здесь собравшихся неприличным местом.

Фирс и Фока прыснули от смеха, а Луп ответил, также едва сдерживая улыбку:

– Напротив, я считаю, что всем нам, собравшимся за этим столом, невероятно повезло. Пожалуй, я бы даже сказал, что мы самые счастливые дети!

В ответ на это замечание малыш Орест не сдержался и жалобно всхлипнул. Ия не могла больше сидеть на месте и быстро подошла к утиравшему слезы ребенку. Она присела рядом с ним на корточки и, протянув руки, тихонько сказала:

– Иди ко мне.

И неожиданно для всех Орест тут же слез со стула и пошел в ее объятия. Ия подхватила его на руки и вместе с ним вернулась на свое место, осторожно прижимая мальчика к груди. Затем поудобнее устроила его у себя на коленях и, нежно поглаживая по голове, начала тихо покачивать. Всплипы прекратились.

Ия не сразу обратила внимание, что на кухне воцарилась тишина. Осознав это, она подняла голову и увидела брошенных всеми детей – детей, которым очень не хватало материнской любви и ласки. Более взрослые члены необычной компании быстро взяли себя в руки и вернулись к еде, делая вид, будто им все равно. Но Фирс и Фока продолжали сидеть

и смотреть на девушку, нежно обнимающую их маленького товарища, и в их глазах читалась зависть и боль.

Пожалуй, именно тогда Ия поняла и приняла тот факт, что она не сможет покинуть этот дом. Не потому, что ее будут удерживать насильно или ей некуда пойти, а потому, что она просто не сможет уйти и предать этих детей, как это сделали другие люди до нее. Не сможет, и все. Теперь она обязана о них заботиться. Казалось бы, эта неожиданно свалившаяся на голову ответственность должна была ее испугать, но Ия, напротив, испытала облегчение, словно наконец-то обрела свое место в этом мире.

Остаток обеда прошел в тишине, нарушаемой лишь постукиванием вилок о тарелки и причмокиваниями, раздававшимися со всех сторон. Орест больше не всхлипывал и спокойно сидел на коленях у Ии, все еще прижимаясь к ней головой. Близнецы тоже продолжили есть вместе со всеми и прекратили сверлить новую обитательницу дома пронзительными печальными взглядами. Однако атмосфера из радостной и задорной превратилась в напряженно-задумчивую. Желая вернуть ребятам прежнее настроение, Ия решила, что самое время вспомнить об испеченных пирогах.

– Мальчики, надеюсь, обед вам понравился? – начала она издалека.

Со всех сторон посыпались восторженные реплики:

– Да!

– Это был самый шикарный обед в моей жизни!

– Просто отвал башки!

– Мой живот еще никогда не был таким довольным!

– Я очень рада, – рассмеялась Ия. – Вы вполне сыты или еще осталось немного места для фирменных пирогов моей бабушки?

– ПИРОГИ!

– Свет всемогущий! Да это лучший день в моей жизни! –

Луп, как всегда, был самым громким.

Ия со смехом поднялась, аккуратно поставила Ореста на ноги и проследовала к духовке, в которой ждали своего часа румяные пироги. Орест остался стоять на месте, а остальные повскакивали и сгрудились за спиной Ии.

– Какой запах!

– Это и правда пироги!

– После такого обеда не жаль и помереть.

– Ну уж нет, после такого обеда я помирять точно не согласен!

– Мальчики, отойдите подальше, пока я вас не обожгла!

– Ия не могла сдержать смех.

Ия выложила пироги на поднос, и он опустел настолько быстро, что она даже глазом не успела моргнуть. А в следующую секунду в кухне уже остались только она и Орест: остальных словно ветром сдуло. Вместе с пирогами.

– Ну, раз уж все разбежались, ты поможешь мне навести здесь порядок и приготовить ужин? – спросила Ия малыша, потрепав его по голове.

Тот охотно кивнул.

III

После обеда Ия продолжила уборку на кухне, а потом вновь принялась за готовку. Орест не отходил от нее ни на шаг: вытирал тарелки, убирал со стола, раскладывал посуду по ящикам, до которых мог дотянуться. Он почти не говорил. Если она спрашивала его о чем-то, отвечал односложно. Ия понимала, что мальчику нужно время, чтобы привыкнуть к ней, поэтому не задавала вопросов о его прошлом. Но ей удалось узнать, что каждый вечер обитатели дома собираются на ужин в большой гостиной. И ее новый юный друг даже проводил ее туда.

Чтобы попасть в гостиную, нужно было пройти в холл, куда ее с Лупом привела лестница, и повернуть направо. Там, за огромной деревянной бордовой дверью с металлическими ручками, скрывалась прямоугольной формы комната с высокими потолками, большим камином и тремя арочными окнами, занавешенными плотными бордовыми шторами. Посреди помещения стоял длинный массивный стол, вдоль него – четырнадцать ажурных стульев, обитых бордовым материалом, похожим на бархат. Стулья располагались по семь штук с каждой стороны, а во главе стола размещалось массивное кресло, похожее на трон, также обитое бордовым бархатом. Рядом с окнами висели канделябры на длинных ножках. Больше никакой мебели в гостиной не было.

Сначала Ие показалось, что комната выглядит ухоженно по сравнению со всеми виденными ранее. Однако, присмотревшись, она разглядела паутину, свисающую с потолка по углам. И камин весь почернел от сажи, словно его не чистили много лет, а пол вокруг был усыпан золой. Когда Ия подошла к одному из окон и попыталась отдернуть штору, в воздух взметнулось облако пыли, заставив ее чихнуть.

Так как до ужина оставалось не так уж много времени, Ия решила повременить со стиркой штор. Вместо этого она протерла стол и вымыла пол. Чистку камина она тоже внесла в свой мысленный бесконечный список дел на будущее.

Вечером, как только Ия подала ужин, мальчишки будто

материализовались из воздуха и устроились по одну сторону стола. Вслед за ними на пороге появился господин Репсимэ и медленно проследовал к креслу. Когда он опустился на свое место, в гостиной воцарилась тишина. Ия замерла в нерешительности, а затем, вспомнив, что хотела пообщаться с хозяином дома, выбрала стул рядом с ним.

– Сегодня ужин выглядит на редкость съедобным, – нарушил тишину тихий голос, как только Ия села. – И, полагаю, это ваша заслуга.

Диврадж Репсимэ повернулся к ней, и Ия увидела удивительные глаза. Они казались абсолютно черными, но если присмотреться, можно заметить вспыхивающие в их глубине искорки. А взгляд был настолько пронзительным и завораживающим, что она почувствовала, как внутри что-то меняется: она будто превращалась в другого человека. Испугавшись этого неувимого преобразования, Ия отвела глаза.

Господин Репсимэ продолжил, словно ничего не заметив: – И раз уж вы решили остаться в нашей компании, полагаю, теперь подобные съедобные ужины, а вероятнее всего, и обеды с завтраками, станут для нас регулярными.

Ия резко вскинула голову, вновь попав в ловушку необыкновенных глаз.

– Откуда вы знаете, что я останусь?

Она лишь слегка запнулась, но постаралась скорее прогнать испуг с лица.

Ее собеседник равнодушно пожал плечами:

– Мне известно все, что происходит в стенах моего дома.

Ия не знала, как реагировать на подобное заявление, и поэтому решила промолчать.

Тем временем мальчишки жадно накинулись на еду, совсем не обращая внимания на разговор – будто их и не было за этим огромным столом.

– Раз вам все известно, то вы должны знать, что дети питаются чем придется, – продолжила беседу Ия.

– Разумеется, я знаю, – его тон был невозмутимым.

– И вас это не беспокоит?

Ей с трудом удавалось скрывать свое раздражение. Равнодушие хозяина дома корбило.

– У них нет недостатка в еде и деньгах для ее приобретения.

– Но они не способны ее приготовить!

– Вы в этом уверены? – господин Репсимэ смерил ее взглядом, в котором едва уловимо проскользнула усмешка.

– А разве я ошибаюсь?

Он повернулся к ребятам.

– Будьте так любезны, молодые люди, скажите, есть ли среди вас те, кто способен приготовить что-то, помимо подгоревшей яичницы?

Луп, Тит и Элим подняли руки.

– Тит, вообще-то, довольно неплохо готовит, – сообщил Луп, с трудом пережевывая огромный кусок мяса. – Конечно, ему далеко до подобного искусства, – он указал запач-

канным жирным пальцем на стол, – но есть вполне можно.

– Ты тоже при желании можешь изобразить что-то более или менее съедобное, – не остался в долгу Тит. Он даже не удостоил приятеля взглядом, нарезая стейк на мелкие кусочки.

– Вот! В том-то и дело, что при желании, – поддакнул Луп, – только его-то и нет. Ни у меня, ни у Тита, ни у Элима, хоть он и отмалчивается по своему обыкновению. А между прочим, приготовленная им к празднику курица была просто объедение.

– К чему мне говорить, если ты болтаешь за всех? – едва слышно произнес Элим.

– Свет милосердный, он еще не научился говорить! А я, право, уже почти уверился в обратном, – продолжил Луп в своей саркастической манере.

Господин Репсимэ никак не отреагировал на перепалку.

– Как видите, ваше суждение о способностях этих юношей ошибочно. Они гораздо лучше приспособлены к самостоятельной жизни, чем, возможно, кажется. И единственное, что стоит на пути к достойной трапезе, – это их лень.

Ия растерялась, не зная, как реагировать. И хотя мальчишки продолжали пререкаться друг с другом, она больше не обращала на них внимания, обдумывая услышанное.

– Но они всего лишь дети! Заботиться о них должны взрослые.

– Если бы вы судили о возрасте не по числу прожитых

лет, а по количеству накопленного опыта, то осознали бы, что эти юноши гораздо старше своих сверстников. Кроме того, те взрослые, в чьи непосредственные обязанности входила забота о них, добровольно сложили с себя полномочия, – голос собеседника, как всегда, был ровным и лишенным эмоций.

Ия никак не могла понять этого человека, но не собиралась сдаваться.

– Вы имеете в виду, что родители от них отказались? Но раз уж теперь мальчики в вашем доме... Разве это не означает, что вы взяли на себя и обязанности по их воспитанию?

Господин Репсимэ больше не смотрел на собеседницу. Он взял нож и вилку и начал аккуратно резать лежащий перед ним кусок мяса.

– Я принял их, потому что не мог отказать.

– Почему? – не унималась Ия.

– Мне необходим наследник.

– Хотите сказать, что завещаете свое состояние этим детям?

Ия никак не могла приняться за еду. Ей хотелось докопаться до сути, разобраться, что здесь происходит.

– Речь не о состоянии, а о наследии, – ответил Дивраджд Репсимэ, как только закончил жевать. – Деньги здесь ни при чем.

– И что же является вашим наследием?

– К вам это не имеет отношения. – Он отправил в рот оче-

редной кусок.

– И сколько будет наследников? – вопросы сыпались как из рога изобилия, но Ия не могла остановиться.

– Один, – ответ снова последовал после небольшой паузы, требовавшейся на пережевывание пищи.

– Один?! – Ия не смогла скрыть изумления. – Но тогда зачем вы берете всех остальных? В качестве бесплатной рабочей силы?

– Вы предпочли бы, чтобы я оставил их всех на улице? – хозяин дома снова посмотрел на нее, ожидая ответа. Его взгляд стал еще пристальнее. Он словно пытался что-то прочесть прямо в ее сердце.

– Нет, но... Вам же нужен только один наследник.

Ия изо всех сил старалась подавить страх и неуверенность, которую вызывал у нее собеседник, но чувствовала, что вот-вот проиграет битву. Каждый его ответ провоцировал новые вопросы, и у нее появилось ощущение, будто она вязнет в паутине загадок, которой был окутан этот дом и все его обитатели.

В противоположность ей господин Репсимэ оставался невозмутимым.

– Но я ведь не знаю, кто станет наследником.

– Разве вы еще не решили?

– Разумеется, нет! – он посмотрел на Ию так, словно она сказала абсолютную ерунду. – Я над этим не имею никакой власти. Лишь время способно расставить все на свои места.

Паутина не поддавалась, и Ия только сильнее запутывалась в ней.

– Ну а я... Я здесь зачем? – предприняла она новую попытку.

– Время покажет. – Господин Репсимэ вернулся к еде.

– Я могу стать вашим наследником? – она трепыхалась подобно мухе.

– Нет.

– Почему?

– У вас иное предназначение.

– Значит, вы все-таки знаете, зачем я здесь?

– Не знаю, но догадываюсь.

– Тогда скажите мне!

Она была близка к отчаянию, но злобный паук, он же хозяин дома, явно не собирался помогать ей.

– В словах заключается большая сила: если я озвучу свои предположения, вы последуете за ними. А я не должен влиять на выбор вашего предназначения.

– Я здесь, чтобы смотреть за детьми? – в глазах, обращенных на собеседника, читалась мольба.

Но он был глух к ее просьбе.

– Если вы этого желаете.

– А что еще я могу?! – воскликнула Ия, окончательно потеряв самообладание.

Вскрик привлек внимание мальчишек, все это время оживленно беседовавших между собой. Но ее собеседник

оставил это без внимания.

– Не мне судить.

У Ии голова шла кругом от всего происходящего. Этот непродолжительный разговор совершенно обессилил ее, и она решила временно прекратить расспросы, дабы окончательно не выйти из себя.

По завершении ужина мальчики помогли ей убрать со стола. Затем она быстро перемыла посуду и отправилась в свою комнату. Она боялась заблудиться, но, поднявшись по лестнице, тут же оказалась в знакомом коридоре и быстро отыскала нужную дверь. Ия хотела навести в комнате порядок, однако, опустившись в кресло, почувствовала, что силы покинули ее. День, полный забот, лег на плечи тяжелым грузом и придавил, не давая подняться. «Займусь уборкой завтра», – решила она и осталась сидеть в кресле и смотреть в темное небо за окном. У нее даже не было сил задавать себе вопросы и теряться в догадках.

В дверь кто-то осторожно постучал. Звук был еле слышным, и его вполне можно было принять за шорох старого дома, который кряхтит и стонет по ночам, но тем не менее Ия подскочила. Она не могла объяснить этого, но где-то глубоко внутри было ощущение, что она чего-то или кого-то ждала. Ия приблизилась к двери и осторожно приоткрыла ее.

На пороге стоял Орест. Он прижимал к себе маленького плюшевого зайца и переминался с ноги на ногу.

– Хочешь войти? – тихо спросила Ия, боясь спугнуть ре-

бенка.

Малыш едва заметно кивнул.

Она открыла пошире дверь и отошла в сторону, пропуская ночного гостя. Он вошел и замер в нерешительности посреди заваленной хламом пыльной комнаты.

– Да, здесь пока не очень уютно, но, думаю, мы могли бы завтра навести порядок. Как считаешь?

Ответом снова был слабый кивок.

– Вот и отлично... А сейчас, может, ты составишь мне компанию в этой огромной кровати? Ночью здесь немного жутко, и я буду рада, если ты побудешь со мной.

Орест посмотрел на нее своими большими печальными глазами.

– А можно я останусь на всю ночь? Мне страшно спать одному, – он говорил шепотом.

– Ну конечно! Уверена, вдвоем нам будет гораздо спокойнее, – Ия даже обрадовалась, ведь ей тоже не хотелось оставаться одной.

Они забрались в кровать и устроились рядышком друг с другом. Ия предложила рассказать сказку, и Орест охотно закивал в ответ. Когда история закончилась, Ия взбила подушки и подоткнула одеяло.

– А теперь пора спать, ведь завтра нас ждет бесконечный список дел.

Орест зарылся в огромную мягкую подушку и еле слышно спросил:

– Ты останешься с нами навсегда?

Ия задумалась. Ей очень хотелось приободрить малыша, но лгать она не могла, поэтому ответила, аккуратно подбирая слова:

– Навсегда – очень большое и сложное понятие. А жизнь порой подкидывает нам сюрпризы. Или случаются обстоятельства, независящие от нас... Но я останусь здесь настолько, насколько необходимо.

– Если ты решишь уйти, возьмешь меня с собой? – мальчика почти не было видно, так глубоко он зарылся в подушку. Лишь маленький нос выглядывал.

Ия снова задумалась.

– Сейчас мне некуда идти. Но если придется однажды покинуть этот дом, я возьму тебя с собой, если ты все еще будешь этого хотеть.

Маленький носик дернулся вниз, и она поняла, что Орест кивнул.

– Значит, договорились. А теперь давай-ка спать.

С этими словами она потянулась к стоящей на полу Изгоняющей тень лампе и погасила ее.

IV

Последующие дни Ия провела в заботах. Она привела в порядок свою комнату; выяснила, что на этаже есть ванная, которая, как и следовало ожидать, внушала больше отвращения, чем желания ею воспользоваться. Но постепенно под руками Ии дом приобретал жилой и довольно пристойный вид.

Дети теперь были сытые и почти всегда сносно чистые. Они постепенно втянулись в уборку и по мере своих сил помогали, хотя порой от их помощи было больше вреда, чем пользы: они постоянно спорили и ругались, разливали воду и устраивали битву сырыми тряпками. Однако присутствие мальчишек веселило Ию и помогало не впадать в уныние.

Наводя порядок, Ия с удивлением обнаружила, что в этом заросшем паутиной и покрытом пылью доме есть комнаты, не нуждающиеся в уборке. Однажды она забрела в приемную перед кабинетом господина Репсимэ. В помещении было полно людей, но Ию поразило другое: в огромном зале царил идеальная чистота, несмотря на то что в течение дня через него проходили толпы.

Как Ия тогда попала в приемную, она не могла объяснить, ведь направлялась в кухню, но по пути задумалась и очулась, когда оказалась посреди множества людей. Она растерянно озиралась по сторонам, не понимая, где находится.

И пока Ия старалась сориентироваться, незнакомцы с любопытством разглядывали вновь прибывшую. Вид у Ии в тот момент был малопривлекательный: после уборки волосы растрепаны, подол платья мокрый, рукава закатаны. Да и в чистоте лица Ия сильно сомневалась.

Когда она уже была готова провалиться от стыда сквозь землю, как всегда из ниоткуда рядом возник Луп.

– О, а вот и ты! А я тебя всюду ищу. Тит просил передать, что уже вернулся и все купил.

– Да, – Ия попыталась собраться с мыслями и отвлечься от устремленных на нее изучающих взглядов, – спасибо... – она в растерянности посмотрела по сторонам, недоумевая, как же выбраться из комнаты.

Луп, очевидно, понял по ее растерянному лицу, что произошло, схватил ее за руку и потянул за собой.

Когда они оказались в темном коридоре, Ия замерла на месте.

– Где я только что была?

Луп тоже остановился.

– А, это приемная хозяйина.

– Как я туда попала, я ведь шла на кухню?

– Ну, видимо, думала не о кухне.

– Я действительно задумалась, когда спускалась по лестнице, но какое это имеет значение?

– В обычном доме никакого, а в этом все имеет значение.

– Ты опять говоришь загадками, – Ия устало вздохнула.

– Вовсе нет.

– Ладно... – она обернулась на дверь, едва различимую на фоне стены. – Кто все эти люди?

– Они к господину Репсимэ, – махнул рукой Луп, привычно шмыгнув носом.

– Зачем? Что им от него нужно?

– Ну... Не знаю, каждому свое – и в то же время почти одно и то же. Желания людей не отличаются разнообразием.

– От твоих пояснений становится только хуже. Хотя чему я удивляюсь, здесь, похоже, все говорят загадками.

– Но я же говорю все как есть.

Ия обреченно вздохнула:

– Ладно, я слишком устала, чтобы сейчас пытаться разобраться в твоих ребусах. Проводи меня в кухню, иначе мы рискуем остаться без ужина.

– Тогда чего же ты стоишь? Идем быстрее.

И он помчался вверх по лестнице. Ия бросилась за ним. Когда они поднялись, ее глазам предстала кухонная дверь.

– Что? Я ничего не понимаю, мы ведь наверху, а кухня внизу...

– Какая разница, вверху или внизу, если вот она – перед тобой.

– Но как же так?

Луп равнодушно пожал плечами и скрылся из виду, оставив Ию в полном недоумении.

«Или я схожу с ума, или этот дом какой-то ненормаль-

ный!» – подумала она, но, дабы сохранить остатки самообладания, не стала долго задерживаться на этой мысли и принялась за готовку. В последнее время было полно дел – не до рассуждений о странностях дома и его обитателей.

Дни пролетали с ужасающей быстротой, ничем не отличаясь один от другого. Готовка, уборка, готовка, уборка... Вечерами все члены странной «семьи» собирались в гостиной на ужин. Сидя во главе стола, господин Репсимэ поочередно перебрасывался с каждым мальчишкой парой фраз. Ия думала, что таким образом он участвует в жизни юных обитателей дома. Подобное участие виделось ей ничтожно малым, и она с трудом сдерживалась, чтобы не высказать хозяину дома свое мнение на этот счет. Но Ия помнила, как тяжело вести дискуссию со странным господином, и потому сдерживала себя изо всех сил. Тем не менее она все же осмелилась указать мужчине на плачевное состояние одежды большинства постояльцев дома, и он, казалось, был этим немало удивлен, словно впервые обратил внимание на внешний вид мальчишек. Он воздержался от каких-либо комментариев, и Ия решила, что ему, как обычно, все равно. Но на следующий день, к огромному ее изумлению, все ребята были облачены в совершенно новую одежду.

Рубашки, штаны и туфли сияли чистотой. Это явно смущало Элима, привыкшего ходить в обносках. А Фирс и Фокка со странной тоской поглядывали на свои ботинки и хо-

дили, с трудом переставляя ноги. Луп так и не расстался с ярко-оранжевым шейным платком, а рубаша на нем хотя и была новой, но все равно торчала из штанов, и пуговицы на манжетах не были застегнуты.

– Я птица свободного полета, не люблю, когда что-то скрывает движения! – прокомментировал он, заметив взгляд Ии.

Тит ничем не выдал своего отношения к смене одежды, которая теперь была ему впору. Лишь кепка, скрывающая лицо, осталась прежней. Только Орест и Юст определенно радовались обновкам. Юст в своей холодной манере похвалили качество костюма и поблагодарил Ию, поскольку именно она обратила внимание господина Репсимэ на внешний – не слишком презентабельный – вид мальчишек. А Орест по-детски непринужденно порадовался яркому костюмчику цвета бирюзы, в котором он еще больше стал походить на посланника Света.

Вечерами начиналось самое интересное: комната Ии превращалась в центр притяжения для юных обитателей мрачного дома. У них вошло в привычку после ужина заглядывать к Ие, и она читала новым друзьям книги или рассказывала сказки.

Орест переселился к Ие и всюду следовал за ней. Глядя на него, Фирс и Фока тоже попросились ночевать рядом, и она не могла отказать.

Кровать, которая поначалу казалась огромной, становилась все теснее.

Именно во время этих вечерних бдений Ия и узнала, как мальчики появились в доме господина Репсимэ. Она не спрашивала: ребята сами делились с ней застаревшей болью. Кто-то, подобно Лупу, скрывался за самоиронией и с юмором описывал перипетии своей жизни. Кто-то говорил, едва сдерживая слезы. Но как бы они ни преподносили свои истории, Ия буквально осязала их боль. Чьи-то раны уже успели зарубцеваться, но чьи-то еще вовсю кровоточили. И бедные брошенные дети льнули к ней в надежде на исцеление. Она не была уверена, что способна кого-то исцелить, ведь ее собственная рана была совсем свежа, но именно понимание того, что она, как никто другой, способна понять их боль, и делало ее идеальным слушателем.

Лун

Он родился в большой семье; рос с тремя братьями и четырьмя сестрами. Родители держали лавку и по бросовым ценам продавали беднякам всякий хлам. Как только дети достигали пятилетнего возраста, они должны были помогать в этой лавке. Луп семейным делом не интересовался. С раннего детства он отличался своенравным характером, за что частенько получал от отца взбучку. Но это лишь подпитывало его бунтарский нрав.

Как-то раз его заставили подметать пол в лавке. Старшие братья, зная, как ему претят подобные обязанности, стали подшучивать над ним, и тогда Луп со злости запустил в них метлой. Братья увернулись, и метла попала напрямиком в витрину, разбив стекло на мелкие осколки.

Отец устроил младшему сыну такую взбучку, что бедняжка решил: тот прибьет его окончательно. Но Луп не умер, а на следующий день его, избитого, отец куда-то потащил за шкуру. На плач и мольбы о помощи никто из домочадцев не откликнулся. Но и на этот раз отец не убил его, а привел в дом господина Репсимэ.

– Я слышал, вы ищите мальчишек. Вот, берите этого, коли хотите, а коли нет, то пускай подышает на улице.

В ответ хозяин дома поинтересовался, сколько стоит мальчик.

– Ни гроша он не стоит, – буркнул отец и плюнул на бедного испуганного сына, дрожащего у его ног.

Господин Репсимэ бросил незваному гостю кошель с монетами и сказал:

– Сделку нужно оформить как подобает. Я выкупаю у вас этого мальчика, и теперь он будет служить лишь мне. Вы согласны?

Глаза злобного папаши жадно заблестели. Он быстро кивнул в ответ и поспешил скрыться с деньгами, пока хозяин дома не передумал.

– Так я и появился здесь, и с того дня моя жизнь переменилась, – Луп улыбнулся во весь рот, но в его глазах была тоска. Однако он бодро продолжил: – Больше никто меня не бил и не указывал, что делать. Я решил, что обрел счастье. Но спустя где-то год тот, кого я некогда называл отцом, неожиданно появился на пороге. «Здрасьте, вот и я, небось скучали без меня!» – Луп приподнял воображаемую шляпу и карикатурно раскланялся, вызывая смех слушателей. – Вот тут я реально чуть в штаны не наложил, – снова взрыв хохота, – испугался, что пройдоха заберет меня обратно в свою жалкую лачугу и все начнется сызнова. А этот плут с наглым видом подошел ко мне, – Луп изобразил вальяжную походку, – и приказал, представьте себе – *приказал!* – отвести его к господину Репсимэ. Ну тут я стал виться, как тень в лучах Света, лишь бы не допустить встречи. Говорил, что хозяин занят и все в таком духе. Но этот и слушать не стал, начал орать на меня, как в старые недобрые времена. И вот когда он по старой памяти вскинул руки, желая, как вы, быть мо-

жет, подумали, прижать обожаемого сына, которого год не видел, к своей груди... Хотя я предполагаю, что намерения у папаши были совсем иные... Но не суть. Так вот, как только он вскинул руки, прямо перед ним возник господин Репсимэ и спросил непрощеного гостя, на кой он приперся.

– Господин Репсимэ никогда не сказал бы такого слова, – вклинился в историю один из близнецов.

– Ой, тьфу на тебя, чего ты лезешь! – буркнул в его сторону рассказчик. – Тебя там не было... Но даже если господин и не говорил точно так, то имел в виду именно это, я по его лицу понял. Батя, похоже, тоже сообразил и подрастерял прыти, но все равно приосанился, словно хотел показать, будто что-то представляет собой, – Луп выпятил грудь колесом, но при этом слегка согнутые в коленях ноги ходили ходуном, будто дрожали от страха, и лицо выражало комический испуг.

Вышло действительно смешно, даже Ия не смогла сдержаться и прыснула. Что уж говорить об остальных слушателях: они от хохота чуть животы не надорвали.

– Ладно, вам смешно, а мне было не до смеха, – как ни в чем не бывало продолжил рассказчик, – ведь папашка мой заявил, что монеты, которые он год назад получил, подошли к концу, и если господин Репсимэ желает, чтобы я и дальше оставался при нем, то он должен подкинуть еще денег. В противном случае меня заберут обратно и заставят снова работать в лавке. И вот тут начинается самое интересное. Гос-

подин Репсимэ ме-е-едленно подошел к этому попрошайке, наклонился к его уху и что-то прошептал тихо-тихо. Как я ни пытался, не смог ничего расслышать. Мой прародитель – или породитель, не знаю, как там правильно говорится, но это и не важно – побледнел, как покойник. Ноги его задрожали еще сильнее, хотя, казалось бы, куда уж! И он на этих дрожащих, подгибающихся ногах еле-еле доковылял до двери, а как только вышел за порог, бросился наутек, так что пыль столбом стояла. Дверь-то он не закрыл, вот я и видел. В общем, это был последний раз, когда я встречал кого-то из своей семьи. Если их можно считать семьей.

Закончив рассказ, он раскланялся и плюхнулся в кресло, в котором развалился Тит.

– Эй, ты чего, ослеп? Я же тут сижу!

– Ну так подвинься, это, вообще-то, мое любимое кресло, я его сюда притащил!

– Не ври, оно здесь всегда было! – продолжал кричать Тит, пытаясь спихнуть Лупа со своего места.

– Тебе-то откуда знать? Когда я здесь появился, тебя тогда и в помине не было!

– Знаю, потому что ты вечно врешь и приписываешь все заслуги себе.

Ия попыталась призвать их к порядку, но мальчишки продолжали пихать друг друга.

Когда кресло жалобно застонало под непрерывными толчками желающих воздать должное его удобству хулиганов, по-

слышался тихий голосок:

– Как думаешь, что господин сказал на ухо твоему папе?

Орест почти всегда молчал, поэтому его неожиданный вопрос застал всех врасплох. На секунду в комнате воцарилась абсолютная тишина.

Как обычно, Луп первым пришел в себя и, прекратив пихать Тита, сполз с кресла и уселся на полу, скрестив ноги.

– Кто же знает, – пожал он плечами и шмыгнул носом. – Мне самому интересно.

– А почему же ты не спросил? – удивился Орест.

– Хм, – Луп задумчиво почесал веснушчатый нос. – Я лишний раз не задаю вопросов. Кто знает, какие ответы можно услышать... Вдруг они мне не понравятся.

– Ты боишься господина Репсимэ? – Орест не сводил со старшего друга пронизательных детских глаз, и все остальные тоже уставились на рассказчика.

Под их пристальными взглядами Луп невольно заерзал.

– Нет... Чего вы тарачитесь? Не боюсь я никого. Если чего и нужно бояться, так собственных желаний, а не господина Репсимэ. – Он вскочил на ноги. – Ладно, поздно уже, пойду я спать. И вам тоже советую, а то всю ночь тут протрындите, потом никого не добудишься!

Луп скрылся за дверью. Остальные решили его послушаться и тоже расползлись по своим комнатам.

Тит

– Раз уж Луп рассказал о себе, то и я, пожалуй, расскажу, – начал Тит следующим вечером, как только мальчишки снова собрались в комнате Ии. – А то после спектакля этого шута еще надумаете себя всякого.

– Эй, кто это здесь шут?! – тут же отозвался Луп.

– На самом деле, в моей истории ничего такого и нет, – продолжил Тит, не обращая внимания на возмущение друга. – Никто меня не мучил и не бросал. – Он сдвинул любимую кепку на затылок и почесал лоб. – Отец умер, а у мамы еще двое детей, мои младшие брат и сестра, – Тит вновь натянул кепку на глаза, – жить нам было не на что. Я слышал, как мама плакала каждую ночь, и сердце мое разрывалось, – его голос едва заметно дрогнул, но он быстро взял себя в руки и спокойно продолжил: – Я узнал, что у господина Репсимэ можно получить работу, и пришел к нему. Господин Репсимэ сказал, что примет меня, но я должен покинуть семью и жить в этом доме. Я согласился при условии, что заработанные мной деньги будет получать мама. В общем, мы заключили сделку.

В комнате воцарилась тишина. Все ждали продолжения истории, но Тит больше ничего не говорил.

– Откуда ты знаешь, что твоя мать получает деньги? – подал голос молчаливый Элим, и Тит смерил его суровым взглядом.

– Господин Репсимэ всегда выполняет условия сделки! И

он никогда не врет.

– Неужели ты правда думаешь, что наш Тит поверит кому-то на слово? – вмешался Луп, развалившийся поперек кресла: в этот раз он успел занять его первым. Голова его лежала на одном подлокотнике, а ноги свешивались с другого – протертого до дыр. – Он знает потому, что каждый месяц навещает свою семью, – закончил он непринужденным тоном.

– Что ты несешь! – зашипел на него Тит, испуганно озираясь на дверь, словно опасаясь, что их могут подслушать.

– Ой, да не дергайся ты! – махнул рукой Луп. – Думаешь, он не знает? Seriously? Я проведал о твоих похождениях, а он, которому все всегда известно наперед, нет? Не строй из себя дурачка!

Тит нахмурился и весь словно сжался.

– Я только издалека смотрю, – пробормотал он тихо, – просто чтобы знать, что у них все в порядке.

– А почему не подходишь? – на этот раз не удержался от вопроса Юст.

– Не хочу, – буркнул Тит, а затем добавил еле слышно: – Боюсь, если войду в дом, мама отговорит меня возвращаться сюда.

– Так и что? – не унимался Юст. – Вернешься в семью, найдешь другую работу.

Тит угрюмо посмотрел на него.

– Ты знаешь, как мы жили? Почти на улице, в грязи, ели

– и то не каждый день! А теперь у них красивый дом, у каждого своя комната, белые занавески на окнах и цветы в саду. Представляешь, даже сад есть! И Лула, сестра моя, такая нарядная всегда... Смеется так, что у меня сердце радуется. И брат, Вик, в школу ходит. Такой деловой, с портфелем... Глядишь, выучится и сможет на хорошую должность пристроиться. И мама... – голос Тита снова задрожал, но он быстро взял себя в руки. – Она вроде тоже счастлива... – он замолчал ненадолго, а потом тихо продолжил: – А если я вернусь, то нарушу сделку, и все это будет потеряно... Думаешь, они простят мне, если лишатся того, что у них сейчас есть? Будут благодарны за возвращение? Они счастливы, и я счастлив, зная это, – закончил он торжественно.

Вид у Тита сделался таким воинственным, что никто больше не посмел ему перечить. Ия тоже промолчала. Да и что бы она сказала? Что мать не может быть счастлива, когда ребенка нет рядом? Но ведь ее собственная мать добровольно отказалась от нее. И семья Лупа отвергла его... Ия уже ни в чем не была уверена. Да и к чему сеять семена сомнений в душе мальчика, кому от этого станет лучше? Уж точно не ему. Он принес себя в жертву ради благополучия своих родных и хочет верить, что поступил правильно. Так стоит ли его переубеждать?

Остаток вечера прошел в молчании, и вскоре все разбрелись по своим комнатам.

ЭЛИМ

После признаний Лупа и Тита несколько вечеров подряд ребята собирались в комнате Ии и слушали сказки, которые та рассказывала им по памяти. Никто не изъявлял желания поведать свою историю, и Ия не хотела, чтобы они думали, будто обязаны это делать. Но спустя несколько дней неожиданно для всех Элим произнес:

– Я появился в этом доме третьим... Наверное, моя очередь рассказывать.

Мальчишки разбрелись по комнате, занимая любимые места. Луп с Титом снова сцепились из-за кресла, и в этот раз, не сумев его поделить, каждый занял один из подлокотников. Малышня, Орест и близнецы, как всегда, расселись на кровати рядом с Ией. Юст достал свою персональную огромную подушку и уселся на нее, устроившись поближе к камину. Элим опустился на пол и поджал под себя ноги.

Несколько минут царила тишина, нарушаемая лишь напряженным дыханием собравшихся.

– В отличие от всех остальных, я не знал своих родителей... До появления в этом доме я жил в приюте. Жизнь там не была сладкой, но я бы обманул, если бы пожаловался на побои или голод. Разумеется, когда в одном месте собираются мальчишки, драки неизбежны, но это было в порядке вещей. Никто не обижался. Вы же знаете, я не особо общительный, потому всегда держался подальше ото всех. У меня почти не было друзей, но и ярых врагов тоже не имелось...

Ну что еще сказать... – Элим говорил сбивчиво и немного поспешно, он заметно нервничал.

В комнате снова повисла тишина. Все ждали продолжения, но Элим молчал.

– Так каким ветром тебя сюда занесло?! – не выдержал Луп.

– Да заткнись ты! – пихнул его в бок Тит, сидящий на соседнем подлокотнике, отчего Луп чуть не свалился со своего.

– Что? – надулся он, потирая бок. – Я только...

– Я не умею хорошо рассказывать, – вновь подал голос Элим, и Луп тут же притих. – Но наверное, стоит объяснить, что директором приюта был ворчливый старик. Он меня недолюбливал. Хотя нет, не так... пожалуй, он недолюбливал вообще всех детей. Как вышло, что при этом он стал директором приюта, ума не приложу, – он вновь притих, погрузившись в свои мысли.

Луп снова заерзал, но под пронзительным взглядом Тита не проронил ни слова.

– Да, так вот, – словно очнувшись, продолжил Элим. – Я плохо помню. Кажется, я тогда провинился... врезал какому-то мальчишке за то, что он хотел стащить мои конфеты, – оглядевшись по сторонам, он спохватился: – Да, я не говорил, что иногда в приют приезжали гости. Кто-то – чтобы забрать себе понравившегося ребенка, кто-то – чтобы дать приюту денег... Так вот, эти гости иногда привозили подар-

ки, в том числе конфеты. Вот откуда у меня были те конфеты, чтобы вы понимали... Ребята свои подарки съели сразу, а я припрятал. Думал: вот случится что-то плохое, я расстроюсь, а потом съем сладкое – и мне станет лучше. Не знаю, что-то в этом роде я думал... Но конфеты тут вообще ни при чем, это я только объяснить хотел, чтобы вы поняли... но, кажется, лишь больше все запутал... Я же говорил, что не умею истории рассказывать, – Элим совсем смешался и снова затих.

– Ты сказал, что тебя наказали за драку, – пришел ему на помощь Юст. – Какой-то пацан нашел твои конфеты, спрятанные на темный день, и решил их прикарманить. Ты его за это побил, и тебя наказали. Так?

Элим поспешно кивнул и одарил Юста благодарным взглядом.

– Да, все так, но дело не в конфетах и не в драке... Директор, когда я ему стал объяснять, за что ударил того пацана, рассердился и сказал, что я жадина и не умею делиться. Он отобрал все мои конфеты и раздал остальным детям. Я очень разозлился... Плакал и кричал, и он отвел меня к себе в кабинет, сказал, чтобы я перестал ныть, а сам куда-то вышел, – тут Элим снова замолчал, будто что-то пытаюсь вспомнить. – Ах да, я ведь совсем забыл сказать, что у директора был красивый белый кот с голубыми глазами, Снеж, которого тот очень любил. Детей терпеть не мог, а кота просто обожал всем сердцем... Мне он тоже нравился, – он снова немного

помолчал, потом продолжил, опустив глаза в пол: – Тогда в кабинете я остался со Снежем. У него была такая длинная, мягкая шерсть. Очень приятно гладить... я гладил его иногда, когда директор не видел...

Снова тишина. Мальчишки начали нервно переглядываться, но никто не подавал голоса, все ждали продолжения, предчувствуя, что развязка близко и что она окажется не слишком приятной. Возможно, даже очень неприятной. Ия тоже напряженно ждала.

– Снеж лежал на подоконнике, грелся на солнце... Вдруг на ветку рядом с окном села птичка... А окно было открыто, на улице стояла жара. Кабинет директора находился на самом последнем, третьем этаже... Кот увидел птичку и навострил уши. Я заметил это и говорю: «Снеж, не надо ее трогать, ты ведь не голодный, а она тоже живая душа...» И тут он как прыгнет к окну... А на подоконнике лежали какие-то листки бумаги, и бедняга Снеж на них как-то поскользнулся, его задние лапы... понимаете... и... не знаю... как-то так получилось, что он целился на ветку, но не долетел до нее и упал прямиком на землю. Я кинулся к окну, а там, внизу, директор, и у его ног кот... лапки дергаются, вроде как встать хочет... А потом лапки замерли. Все посмотрели вверх, а там я в окне... Все решили, что это я кота выбросил... А я бы никогда... понимаете... никогда! – он обвел слушателей взглядом, словно пытаясь понять, верят ему или нет.

В глазах Элима стояли слезы.

– Я хотел им объяснить, пытался, но меня не слушали, – продолжил он сбивчиво. – Директор орал, как сумасшедший, и сказал, что меня прибьют, уж он за этим проследит. Я тогда очень испугался! Понял, что мне не поверят, ведь никто не знает, что я бы никогда... И я тоже сиганул в окно. Нет, я не хотел разбиться. Я прыгнул прямо на ветку, добежал по ней до ствола и спустился на землю. И дал деру что есть мочи. Я летел, не разбирая дороги, кто-то гнался за мной... Долго я плутал среди улиц, пока совсем без сил не упал прямо на пороге этого дома. Я хотел подняться и бежать дальше, ну или идти, или ползти, как уж получится, сил-то уже не было. Но тут дверь отворилась, и я увидел господина Репсимэ. Ну то есть тогда я еще не знал, кто это... Но он вышел ко мне, присел рядом и тихо сказал: «Если переступишь порог этого дома и станешь служить мне, тебя никто никогда не тронет». Вот так я и оказался здесь... Первое время ждал, что вот-вот в дверь постучат полицейские и заберут меня, но за мной так никто и не пришел. Как и обещал господин Репсимэ. Ну, теперь вы знаете.

Он быстро вскочил на ноги и поспешно, ни на кого не глядя, покинул комнату.

Первым опомнился Луп:

– Думаете...

– Не говори глупости, – перебил его Тит.

– Нет, я сам не думаю, хотел только убедиться, что и вы не думаете, – принялся он оправдываться.

– Он и мухи не обидит. Так что закрыли тему! – строго проговорил Юст.

– Спать пора, – Тит спрыгнул с подлокотника, размял ноги и направился к двери, подталкивая Лупа.

– Да иду я, иду, не пихайся, – ворчал тот.

Когда за Юстом, Титом и Лупом закрылась дверь, а в кровати остались Фирс, Фока и Орест, Ия постаралась изобразить на лице улыбку.

– Ну и нам пора бы спать.

– Жалко Элима, – произнес один из близнецов.

– Он будто сам в себе сомневается, – продолжил его брат.

– Он всегда такой неуверенный, но хороший, – закончили они одновременно.

– Я знаю, – поспешила сказать Ия. – Элим винит себя в том, чего не совершал, потому что думает, что мог спасти кота, не дать ему прыгнуть. Но он не виноват. Он просто ребенок с чутким сердцем.

Фирс и Фока согласно закивали, а Орест теснее прижался к ней. И Ия в очередной раз поймала себя на мысли, что она там, где должна быть.

Фирс и Фока

Следующим же вечером слово взяли Фирс и Фока.

– Мы были четвертыми, – начал один из близнецов. (Как ни пыталась Ия, до сих пор так и не смогла научиться различать их.)

– Четвертым и пятым, вообще-то, – поправил его брат.

– Только нам нечего рассказать, – произнесли они.

Как обычно, один из братьев начинал, а второй заканчивал фразу, или же близнецы говорили хором, отчего у слушателей складывалось впечатление, что у них двоится в глазах.

– Мы жили себе, жили, а потом пришел господин Репсимэ и забрал нас. И теперь мы живем здесь. Вот и вся история.

Из такого повествования невозможно было ничего понять, поэтому вмешался Тит, который в этот раз проиграл бой за кресло и сидел на полу, прислонившись спиной к стене.

– Однажды я отправился в город по какому-то поручению господина Репсимэ и вдруг услышал крики из одного двора. Подошел к забору, заглянул в щелку и увидел старый, выдавшийся виды и покосившийся на один бок домишко. Во дворе стояла женщина и бранила двух перепачканных с ног до головы ребятишек. Она кричала и кричала, а потом ударила одного из мальчишек. Второй кинулся на его защиту и тоже получил затрецину, – Тит покосился на близнецов, которые, как обычно, сидели на кровати рядом с Ией. Братья встрети-

лись с ним взглядом и тут же понурили головы, будто в чем-то провинились. – Мне стало жалко пацанов, но не лезть же в чужую семью. Я пошел дальше, но никак не мог выкинуть из головы бедных ребят. Через несколько дней вернулся к этому дому. Снова заглянул через забор, но никого не увидел. Тогда решил поспрашивать соседей. Как бы невзначай.

– Это он умеет, разговорит кого угодно, – заявил Луп, восседавший в кресле как король.

– Вечно тебе нужно влезть со своими комментариями, – огрызнулся Тит.

Последовала короткая перебранка, которую прервал Юст.

– Так вот, – продолжил Тит, – от соседей я узнал, что в доме живет семья с тремя нормальными детьми и двумя проклятыми. Я поинтересовался, как же они определили, что двое прокляты. Соседи объяснили, что те ребята белые, как привидения, и с красными бесовскими глазами. Я-то в прошлый раз не рассмотрел издали цвет глаз, а волосы парнишек были перепачканы грязью. Но понял, что именно их считают проклятыми. Узнал, что семья не пускает их на порог дома, они живут в сарае.

Фирс и Фока еще ниже опустили головы.

– Соседи еще всякого наговорили... Что они приносят беды каждому, на кого посмотрят, ну и прочее – у кого на что фантазии хватило. Я тем же вечером рассказал обо всем господину Репсимэ. Решил, что детям не пристало жить в сарае. А уж с проклятием господин Репсимэ как-нибудь разберет-

ся. Утром, чуть свет, мы пришли в тот самый дом. Когда появились на пороге, вся семья всполошилась: не понимали, чего такой господин мог забыть в их хибаре. А он и говорит: «Слышал, у вас имеются необычные дети». Родители переглянулись, и отец семейства кивнул. «Я желаю выкупить их. Сколько хотите?» Тут они совсем растерялись, стоят, глазами хлопают, слова вымолвить не могут. Тогда господин Репсимэ дал им два мешочка монет. Те рты пооткрывали: таких денег, чай, отродясь в руках не держали. «Хватит столько?» – спросил господин Репсимэ, и хозяйева быстро закивали. Я стоял рядом и думал, что они ведь даже не спросили, зачем их детей покупает какой-то незнакомец. Просто взяли деньги, и все. «Коли цена вас устраивает, ведите детей». Женщина тут же подорвалась и кинулась на улицу. Вернулась, волоча за шкурки какие-то два комка грязи. Сразу и не поймешь, что это дети. Господин Репсимэ взял за руки этих грязнуль и на прощание сказал: «Сделка совершена и отмене не подлежит. Всего доброго». И мы удалились под недоуменными взглядами хозяев дома и всех соседей, которые смотрели нам вслед с открытыми ртами. Вернувшись, мы отмыли этих двух блохастых поросят. Оказалось, что они действительно белые. И одинаковые. Когда я спросил господина, прокляты ли близнецы, он ответил: «Их души настолько светлы, что это видно невооруженным глазом. А людям с темной душой этот свет режет глаза, вот они и пытаются его очернить».

Последние слова заставили братьев улыбнуться, но, смутившись собственными улыбками, они зарделись и спрятали лица, уткнувшись в колени Ии.

– Да ладно вам, светлячки, не смущайтесь, – вновь вмешался Луп. – Вечно они так.

– А ты вечно подтруниваешь над ними, – тут же парировал Тит.

– Вот, полюбуйтесь на этого защитника! Всех обездоленных готов приютить.

– А хоть бы и так, тебе-то что, жалко места?!

– Места-то хоть отбавляй, но нам тут всем жить под одной крышей, так что тащить кого попало тоже не стоит.

– Можно подумать, если б ты увидел, как бьют детей, мимо бы прошел, – вмешался Юст. – Зная тебя, могу предположить, что даже господина Репсимэ звать не стал бы, сам кинулся с кулаками на защиту.

Луп тут же взъерепенился.

– А вот ты чего вечно лезешь? Не с тобой ведь разговор был! Что за дурной характер, вечно суешься не в свои дела.

– Уж про твой характер мы даже говорить не будем.

– А вот и помолчите, сделайте милость!

Она сидела на кровати, гладила белые головы, лежащие на ее коленях, и с улыбкой слушала разгорающуюся перебранку. Подобные сцены стали для нее уже привычными. Поначалу она старалась усмирить ребят, но потом поняла, что это их способ выражения привязанности. Шутки и подколы за-

меняли им слова любви. Толчки и подзатыльники – объятия. Ия видела, что мальчишки стоят друг за друга горой. Они создали свою семью, такую, какую смогли, и для большинства из них эта новая семья стала куда лучше прежней. В этом доме они обрели то, чего не получали от родителей. И это радовало и огорчало одновременно. У Ии не получалось отделаться от чувства щемящей тоски. Каждая новая история отдавалась болью в сердце. И в то же время она проникалась все большим уважением к господину Репсимэ, которого прежде принимала за эгоистичного богача, использующего ребят в каких-то корыстных целях. Но постепенно она начала понимать, что им движет не эгоизм, а сострадание. Он, как и эти дети, не умел выражать свои эмоции. Но теперь она видела, что за напускным безразличием скрывается доброе сердце.

Юст

Следующим вечером заговорил Юст.

– Ну вот очередь дошла и до меня. Но моя история не интересная и не трагичная. Меня не били, не обвиняли в том, чего я не совершал. Не предавали родители... Ничего этого не было. Я пришел сюда по своей воле, и привела меня не нужда, а любопытство, – его голос звучал ровно, как всегда.

– В каком смысле? – высказал общее недоумение Луп. Сегодня он лежал на животе посреди комнаты, подперев подбородок руками и болтая ногами в воздухе.

– Не мне тебе объяснять, Луп, что такое любопытство и на что оно может толкнуть, – усмехнулся Юст. Он сидел, удобно устроившись на любимой подушке.

– Ну да, но... – протянул Луп, – в смысле, каким должно быть любопытство, чтобы ребенок решил уйти из семьи? Такое любопытство мне, пожалуй, неизвестно. Просвети, уж будь любезен.

– А что тут говорить... Я с самого раннего детства любил читать, и книги заменяли мне друзей. Родителям это было сложно понять, они постоянно твердили, что нужно общаться со сверстниками, завести приятелей и заниматься вещами, интересными мальчишкам моего возраста. А на меня такие занятия навевали лишь скуку. Что уж тут поделаешь? Однажды я услышал про загадочного господина Репсимэ и его странный дом. Заинтересовался и стал собирать информацию. Выяснил, где могу его найти. Больше всего в историях про господина Репсимэ меня взволновали рассказы о его библиотеке, в которой якобы столько книг, сколько невоз-

можно прочесть за всю жизнь. Собственно, я и отправился в путь с единственной целью: узнать, правда ли существует такая библиотека. Явился сюда, и прямо с порога осведомился о ней у господина Репсимэ. И он подтвердил: да, есть библиотека. Тогда я поинтересовался, что нужно сделать, чтобы мне разрешили посещать ее. Он ответил, что дом делится всем, что имеет, со своими жильцами. И я спросил, как стать таким жильцом. Господин Репсимэ озвучил условия: я должен отказаться от своей семьи и пойти к нему в услужение, а он взамен предоставит мне доступ к бесконечному числу книг. Сделка меня устроила. Так я и оказался среди вас.

– То есть ты бросил свою семью ради книг?! – изумился Луп.

Остальные дети недоуменно переглядывались, также с трудом скрывая удивление.

– Если смотреть твоими глазами, то так оно и есть. Но если взглянуть на ситуацию с моей стороны, то можно увидеть и другие аспекты, – Юст медленно выпрямил ноги и потянул их, разминая.

– Какие еще аспекты?!

– Моя семья никогда не понимала меня и не особо к этому стремилась. Вместо того чтобы поддержать мое стремление к знаниям и интерес к чтению, они пытались подогнать меня под параметры идеального ребенка. Идеального для них. А когда я не подчинялся, пытались убедить, что им лучше известно, каким я должен быть и что мне нужно для счастья.

Поэтому я покинул место, где не хотели видеть меня, настоящего, и пришел туда, где могу быть самим собой. Теперь я читаю, когда захочу, и никто мне не мешает. Разве люди не заслуживают свободы от чужих желаний? Возможности быть собой, вопреки чужим ожиданиям? С твоей точки зрения, я бросил семью. С моей – я выбрал свободу. И выбор этот дался мне легко.

Луп несколько раз открыл и закрыл рот, так и не найдя что ответить.

– А как отреагировали твои родные? – неожиданно вмешался Тит.

– Я отправил им письмо, где подробнейшим образом изложил мотивы своего поступка. Но родители, как обычно, решили, что они лучше знают, что творится в моей голове, и восприняли мои действия, как попытку привлечь внимание. К счастью, после заключения сделки я был избавлен от необходимости выслушивать их речи о глубинных причинах моих поступков. Когда я переехал в этот дом, с родителями общался господин Репсимэ, и, судя по тому, что они не обивают порог с мольбами о моем возвращении, переговоры прошли весьма успешно.

– И ты никогда не интересовался, как сейчас живет твоя семья?

– К чему мне это? Я рад, что нахожусь здесь, и не хочу омрачать это счастье лишней информацией, – ровный рассудительный тон Юста не предполагал даже тени сомнений

в собственных словах.

– То есть ты все-таки думаешь, что известия о семье могли бы тебя расстроить?

– Не знаю и знать не хочу! Все эти вопросы возникают у вас по одной причине: вы до сих пор жаждете любви своих родителей, какими бы жестокими они ни были, как бы ужасно они с вами ни обращались. Вам все равно хочется доказать себе и им, что вы достойны этой любви. А я желаю лишь одного: чтобы родители не мешали мне жить. И сейчас они не мешают.

– Знаешь, лед зимой теплее, чем твое сердце. Если оно у тебя вообще есть! – взорвался Луп.

Юст лишь усмехнулся:

– Если бы единственным предназначением сердца было испытывать чувства, я бы с легкостью от него отказался.

– Нет, вы только послушайте его! Да он, небось, приспешник Тьмы!

– Напротив, я тот, кого ей никогда не заполучить. Ведь Тьма питается эмоциями, а я живу разумом.

Ия решила, что самое время вмешаться:

– Луп, мы здесь слушаем истории тех, кто желает поделиться. Не осуждая... Каждого сюда привела своя дорога, и каждый получил здесь то, чего хотел. И разве ты сам не мечтал обрести свободу от своих родителей и того места в жизни, которое они для тебя приготовили?

– Да, но его ведь не били и не...

– Есть разные виды насилия. И не всегда физическое насилие самое ужасное. Не нужно осуждать то, чего не понимаешь. Лучше попытайся вникнуть в суть. А если не получается, то прими как данность тот факт, что люди разные. Если человек имеет иной взгляд на жизнь, не значит, что он хуже или лучше. Это значит, что он другой. Люди должны быть разными, в этом и есть смысл.

Юст посмотрел на Ию с благодарностью и как будто слегка удивленно, словно он не ожидал встретить понимание среди собравшихся.

– Ладно, моя история так или иначе подошла к концу, не смею вас больше задерживать. И сам не стану задерживаться. – С этими словами он быстро поднялся на ноги, закинул свою подушку под кровать, где она обычно дожидалась часа полуночных посиделок, и поспешно скрылся за дверью.

Остальные мальчишки еще некоторое время оставались, недоуменно переглядываясь. Было видно, что им непонятны мотивы и поведение Юста, но никто больше не решился высказаться на этот счет. Когда сидеть в тишине стало уже совсем невыносимо, они постепенно разбрелись по своим комнатам.

Ия

Ия не знала, должна ли делиться своей историей. Никто не просил ее об этом, но она видела немой вопрос в глазах детей и решила за откровенность отплатить откровенностью. Ведь не было сомнений, что мальчишки берегли свои истории и не делились ими даже друг с другом. И только когда в доме появилась Ия, отважились их рассказать. Она должна была показать, что тоже доверяет им.

– Я... – начала она и запнулась. Слушать чужие истории оказалось гораздо легче, чем рассказывать свою.

Ия попыталась собраться с мыслями.

– Я из небогатой семьи, как вы наверняка заметили по одежде. И история моя началась в тот момент, когда на меня обратил внимание один мужчина – господин Эврен. Он был начальником на фабрике, где работали мои родители. Очевидно, я приглянулась ему, и он начал оказывать мне знаки внимания. Я не хотела принимать его ухаживания, но мать с отцом настаивали на этом. Они видели в господине Эвре-не возможность сделать свою жизнь лучше и считали, что я должна мечтать о том же. В итоге он сделал мне предложение. Но как ни старалась я убедить себя в необходимости ответить согласием, не смогла этого сделать... Господин Эврен не ожидал моего отказа и очень рассердился. Он уволил родителей, что разозлило их. Правда, рассердились они не на господина Эврена, а на меня. Вскоре они объявили, что нашли мне новый дом, и привели сюда. Я поначалу ломала го-

лову. Почему, с какой целью? Но, слушая ваши рассказы, догадалась, что они заключили сделку с господином Репсимэ. Продали меня в услужение ему. Вот так все и было.

Рассказывая свою историю, Ия умолчала о некоторых деталях. Например, о том, что господин Эврен похож на толстого свина и старше ее как минимум в два раза. Она не стала уточнять, что он снабжал ее родителей дорогими продуктами и деликатесами: рыбой, которую они в жизни не ели, нежным мясом или коробками конфет, стоившими больше их месячной зарплаты. Ия не стала говорить, как родители возвращались домой с очередным «знаком внимания» и начинали многозначительно смотреть на нее, расхваливая своего отвратительного начальника. А она в ответ на их речи заливалась краской от стыда за то, что они принимают его подарки, не удосужившись узнать ее мнение об этом господине. Она пыталась заставить себя хотя бы не испытывать отвращения к вечно потному, лопающемуся от чувства собственной значимости человеку. Она пыталась представить жизнь, в которой она больше не будет нуждаться в деньгах и сможет себе позволить одеваться в красивых магазинах – тех, что всегда обходила стороной, страшась осквернить их одним своим присутствием. Она находила множество плюсов в жизни госпожи Эврен. Но в тот момент, когда жених, заранее уверенный в положительном ответе, сделал предложение, все доводы испарились, оставив лишь отвращение. Она не смогла его перебороть, а потому ответила отказом. Ия

понимала, что последствия будут ужасными... И не ошиблась: господин Эврен поначалу растерялся, а потом разразился уничижительной речью в ее адрес. Он оскорблял ее на глазах у родителей, обвинял в том, что она водила его за нос, принимая подарки и давая тем самым понять, что разделяет его чувства. Мать и отец, вместо того чтобы защищать дочь, тоже накинулись на нее с угрозами...

Как она и поведала мальчикам, все закончилось сделкой с господином Репсимэ. Причем Ия догадывалась, что родители даже не поинтересовались, для каких целей этот загадочный господин приобретает их дочь. И ей становилось по-настоящему страшно от мысли, что на его месте мог бы оказаться менее благородный человек. Обида на родителей жгла сердце. Но этого она также не поведала своим юным слушателям. Да того и не требовалось: они прекрасно понимали ее чувства. Они все были детьми, брошенными родителями. И этот странный дом мог бы называться домом преданных детей, но по милости господина Репсимэ стал домом надежды. Осознав это, Ия не смогла сдержать слез, но плакала не от обиды, а из-за благодарности. Тогда, в сумраке ночной комнаты, в окружении новых друзей, она наконец почувствовала, о чем говорил ей Луп: этот дом – лучшее, что случилось с ними в жизни. Она обвела глазами всех ребят, и они, будто прочтя ее мысли, в знак солидарности молча кивнули в ответ.

V

Хотя после рассказов мальчишек Ия и прониклась к господину Репсимэ уважением и симпатией, он и его дом все еще рождали в ее душе множество вопросов. Отсутствие ответов неминуемо заводило ее в трясину новых загадок, которые грозили поглотить с головой. Поэтому Ия разумно решила не углубляться в непостижимые тайны стен этого дома и старалась за ужином говорить только при необходимости. Господина Репсимэ, вероятно, такое поведение вполне устраивало. Хотя сложно было понять, что действительно у него на уме. Этого человека невозможно было прочесть: лицо и голос без эмоций; глаза – бездонные ямы, которые затягивают в свои глубины и, казалось, могут видеть собеседника насквозь, но не дают ни малейшего понятия о чувствах их обладателя.

Дом тоже был полон странностей. Когда Ия навела порядок в помещениях, которыми они пользовались, она заинтересовалась у Лупа, много ли еще здесь комнат: необходимо было иметь представление, сколько работы нужно проделать.

Луп лишь рассмеялся:

- Ты собираешься навести порядок во ВСЕХ комнатах?
- Мне бы этого хотелось.
- Ха! Ну удачи тебе. Только боюсь, что ты не сможешь

управиться до самой старости, – он расхохотался еще громче и сбежал, оставив собеседницу в недоумении.

Одиночество Ии продлилось недолго. Она услышала шорох за спиной и, обернувшись, увидела Тита. Его лицо, как обычно, было скрыто за кепкой, а руки засунуты в карманы. Он неторопливо подошел к ней и, встав рядом, посмотрел в сторону быстро удаляющегося хохочущего товарища.

– Луп всегда говорит загадками, – со вздохом произнесла Ия.

– Он всегда говорит правду, просто никогда не утруждает себя объяснениями, – ответил Тит, по-прежнему глядя в том же направлении. – Но он делает это не из вредности, не подумай, просто считает, что если ему что-то известно, то это знают и все остальные. Он чудак. Как, пожалуй, и все мы в той или иной степени.

– Тогда, может быть, ты объяснишь, что этот чудак имел в виду?

Тит пожал плечами и заговорил после небольшой паузы:

– Не уверен, что мне это удастся. На самом деле Луп лучше всех справился бы с этой задачей, если бы снизошел до объяснений. Но он не снизойдет, поэтому я попытаюсь. Хотя не думаю, что проясню ситуацию, а не запутаю ее еще больше.

Он кивнул Ие, приглашая следовать за ним. Они прошли в комнату – ту самую, где Ия впервые встретила господина Репсимэ. Как она узнала позже, это тоже была своего рода

приемная, только находилась у задней двери и предназначалась для тех, кто хотел заключить сделку. Миновав эту комнату – уже чистую благодаря Ие – они оказались у черного входа, откуда вышли на задний двор. Он был огорожен забором, который скрывал его от уличной суеты, а деревья и кусты, растущие вдоль ограды, прятали его от посторонних глаз. Здесь царил благодатная атмосфера покоя.

Ию и Тита встретило приветливое осеннее солнце. Оно еще приятно грело и красиво играло в желтой листве. Они опустились на скамейку и какое-то время сидели в тишине и наслаждались. Потом Тит, приподняв подбородок, взглянул на Ию из-под козырька кепки. Солнце озарило его лицо, и она впервые смогла как следует его рассмотреть. Тит оказался довольно симпатичным: карие глаза миндалевидной формы и небольшой заостренный носик придавали его лицу сходство с лисьей мордочкой. Взгляд, устремленный на Ию, был внимательным, в нем читался немой вопрос. Вот только что это за вопрос, Ия не знала.

– То, что этот дом не такой, как другие, ты уже, конечно, поняла. Это чувствуешь сразу, стоит переступить порог. – Тит опустил голову ровно настолько, чтобы тень от козырька вновь скрыла его лицо. – Это сложно объяснить словами...

– Да, я почувствовала это, – охотно подтвердила Ия. – Но в чем его секрет?

Тит откинулся на спинку скамейки, заложил руки за голову и устремил взгляд в небо.

– Вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос. Разве что господин Репсимэ.

У Ии вырвался разочарованный вздох:

– То есть ты ничего не объяснишь мне?

Тит перевел взгляд на дом.

– Я уже сказал, что вряд ли смогу. Но попытаюсь. Этот дом... Я не знаю, как это... Одним словом, здесь каким-то образом уживаются Свет и Тьма. Именно уживаются: они не борются друг с другом, а каким-то образом сосуществуют вместе.

Тит уронил голову на грудь и, видимо, погрузился в свои мысли. Ия молчала в ожидании продолжения, опасаясь вмешиваться в раздумья друга. Впервые кто-то рассказывает ей о доме, и она боялась неосторожным словом все испортить и лишиться источника информации.

Наконец Тит продолжил:

– Думаю, из-за такого соседства и возникают многие странности этого дома. Если Свет долго не посещает комнату, то ею завладевает Тьма. Она опутывает ее паутиной и засыпает пылью, портит вещи и мебель. Тьма проворна: стоит Свету дать слабину, как она тут же отвоевывает себе место. В этом доме много комнат, в которые давно не проникал Свет. Но с твоим появлением Тьме здесь стало не так комфортно, как прежде.

Ия старалась вникнуть в слова Тита, но мало что понимала. Выходило, будто Свет и Тьма – это не некие абстрактные

понятия, тождественные Добру и Злу, а нечто вполне реальное, способное оказывать влияние на окружающий мир. Разумеется, Тит – всего лишь ребенок, а детская фантазия может вплести волшебство в самые обыденные вещи.

Тит вновь вздернул подбородок и внимательно всмотрелся в ее лицо.

– Так я и думал, ты мне не веришь... – спокойно констатировал он.

– Нет, я...

– Не нужно, я вижу по твоему лицу, – он снова посмотрел на дом. – Но разве ты этого не чувствуешь? Не ощущаешь их присутствия?

– Я не знаю, что ощущаю, – честно призналась Ия. – Я не могу объяснить, как, спускаясь по одной и той же лестнице, оказываюсь в совершенно разных местах, отчего коридор с дверями выглядит бесконечным и почему Луп смеется, когда говорю, что хочу навести порядок во всех комнатах. Я ничего не понимаю...

Тит пожал плечами:

– Ну, тут как раз все просто: дом всегда приводит тебя туда, куда ты хочешь попасть. Маршрут совершенно неважен, главное, точно знать место назначения. Ты к этому привыкнешь. Если задуматься, то это очень удобно! Коридор выглядит бесконечным, потому что он такой и есть. И по этой же причине Луп смеялся, ведь в бесконечном коридоре бесконечное число комнат. Ты не сможешь везде навести порядок.

Ия покачала головой.

– Не бывает бесконечных коридоров, и дома не обладают способностью перемещать людей.

На лице Тита появилась озорная улыбка.

– Хочешь посмотреть, чем занимается господин Репсимэ?

Ия недоверчиво прищурилась.

– Разумеется, хочу, но он вряд ли пустит меня в свой кабинет.

– Пошли за мной.

Он проворно соскочил со скамейки и побежал к двери. Ия поспешила за ним. Миновав «черную приемную» – так ее между собой называли мальчишки – они проследовали в какой-то чулан, заваленный всяким хламом.

– Зачем... – начала было Ия, но Тит ее тут же перебил:

– Сейчас все увидишь, только веди себя тихо.

Он сгреб хлам в одну сторону, протиснулся к дальней стене, пошарил по ней руками, на что-то нажал, и стенка чулана приоткрылась с едва слышным щелчком.

– Это что, потайной ход? – изумилась Ия. Помня наказ своего спутника соблюдать тишину, она постаралась выразить удивление шепотом.

Тит ничего не ответил, лишь махнул рукой и быстро скрылся в проходе. Ия без раздумий последовала за ним.

Коридор оказался очень узким, и она едва смогла в него протиснуться. Приходилось идти боком. Кроме того, было очень темно. Ия не видела даже собственных рук, которы-

ми шарила по стене. Но она решила не поддаваться страху и продолжала идти за Титом. О том, что он где-то впереди, свидетельствовали едва различимые шорохи его шагов. Ие очень хотелось заговорить с ним, но она изо всех сил сдерживала себя, стараясь передвигаться как можно тише. И вот когда она уже была готова сдаться и подать голос, чтобы убедиться в реальности происходящего, она натолкнулась на остановившегося Тита.

– Смотри, – прошептал он едва слышно, и в этот момент где-то на уровне ее груди приоткрылось небольшое окошко.

Ия с трудом нагнулась пониже и с жадностью прильнула к этому отверстию.

Ее глазам предстал большой кабинет, выполненный в зеленых тонах. В дальнем углу ярко горел камин; в центре стояло массивное кресло, в котором восседал хозяин дома. Окна были плотно занавешены, и в комнате царила полутьма, разгоняемая лишь светом огня в камине да еще двумя небольшими канделябрами у стен. Господин Репсимэ сидел, подперев подбородок рукой. Ия не видела его лица, но по позе она поняла, что хозяин дома утомлен.

Ия стояла в темноте и внимательно наблюдала, как в кабинет заходили посетители: мужчины и женщины – молодые, средних лет и совсем старые. Все они приближались к хозяину дома, протягивали ему записки. Он брал эти клочки бумаги и складывал на поднос, лежащий на столике справа от кресла, а посетители кидали деньги в небольшой сундук на

полу и затем так же, не говоря ни слова, покидали кабинет. Через какое-то время вошла женщина средних лет. Одежда на ней была довольно броская, но явно не новая, что свидетельствовало о том, что дама небогата, но любит привлекать внимание. Она, как и все, молча протянула господину Репсимэ записку, но в этот раз он не принял ее.

– Любовь мне неподвластна, – произнес он ровным голосом, лишенным эмоций.

Женщина замерла в раздумье. Ия заметила, как она нахмурилась, но в следующее мгновение ее лицо прояснилось. Она начала оглядываться по сторонам.

– В том углу есть стол и принадлежности для письма, – вновь подал голос хозяин дома.

Посетительница поспешно пересекла кабинет и, оказавшись у стола, быстро что-то нацарапала на листке. Затем так же поспешно вернулась, и когда снова протянула записку, господин Репсимэ принял ее со словами:

– Это я могу, но вам придется иметь дело с последствиями. На вас останется след на всю жизнь.

– Я согласна, – тут же отозвалась женщина, гордо вскинув подбородок.

Господин Репсимэ кивнул и положил бумажку к остальным.

Женщина развернулась и направилась к выходу. Ия заметила у нее на плече что-то черное, похожее на тень, только более темное и плотное. В попытке получше рассмотреть,

что же это, Ия слишком сильно налегла на стену и вместе с ней с оглушительным треском ввалилась прямо в кабинет в тот самый момент, как за посетительницей закрылась дверь.

Вокруг поднялось облачко пыли, и Ия, поспешно вскочив на ноги, начала отряхиваться, а затем осмелилась взглянуть на хозяина дома. Он по-прежнему сидел в кресле и, казалось, не был удивлен ее внезапным шумным появлением. Ия оглянулась на дыру, откуда только что вывалилась, и увидела Тита, который стоял, сложив руки на груди и недовольно качая головой. Ия понятия не имея, как вести себя в такой ситуации, поэтому решила просто сделать вид, что ничего особенного не произошло, раз уж сам хозяин дома не выглядит рассерженным или удивленным.

Незваная гостя осторожно перешагнула обломки стены с порванными обоями и приблизилась к креслу хозяина.

– Что вы делаете? – она постаралась, чтобы голос был ровным, а вопрос звучал буднично.

– Исполняю желания, – ответ господина Репсимэ прозвучал так же буднично, как и вопрос.

– А та женщина, – Ия указала на дверь, за которой пару минут назад исчезла посетительница, – что за тень была у нее на плече, когда она выходила?

Господин Репсимэ окинул Ию внимательным взглядом, и ей показалось, что на его лице отразилось удивление. Но через секунду оно вновь стало абсолютно беспристрастным. «Видимо, лишь игра светотени от горящих свечей», – про-

мелькнуло в голове Ии.

– Так бывает, когда желаешь кому-то зла или смерти, – спокойно проговорил господин.

– Что? – Ия не смогла скрыть своего изумления.

– Та женщина жаждет любви одного мужчины. Но Любовь мне неподвластна. Тогда она пожелала смерти его жене.

– Что?! Зачем вы согласились исполнить это? – Ия снова обернулась к двери, борясь с желанием выбежать следом за той ужасной просительницей.

Господин Репсимэ откинулся на спинку кресла и, продолжая пристально разглядывать нарушительницу своего покоя, бесстрастно ответил:

– Я не могу отказать. Таковы условия. Я исполняю все желания, независимо от того, нравятся они мне или нет. Но когда желаешь зла, Тьма замечает тебя, и уже никогда не удастся скрыться от ее взгляда. Такова плата.

– Но вы берете с них деньги, разве этого недостаточно?

– Я ведь должен на что-то жить. А над Тьмой я не властен.

– Но вы творите зло!

На спокойном лице промелькнула улыбка:

– Или добро. Все зависит от желаний. Не моя вина, что люди чаще желают зла. Разве это делает злодеем меня, а не их?

Ия пребывала в полном замешательстве. Она пыталась обратиться с мыслями, но не прекращала расспросы:

– Но почему убить для вас проще, чем заставить полю-

бить? Почему?

– Чувства и эмоции сложны. Что из себя представляет любовь? Что заставляет нас любить одного человека, выбирая его среди множества других? Никто этого не знает. Даже мы сами. В то же время смерть проста. Есть миллионы способов убить человека. Поэтому да, я могу запустить цепь событий, которые в итоге приведут к смерти определенного человека. Но я не могу спровоцировать события, которые заставят его полюбить, ведь не имею понятия, что вызывает любовь. Это чувство слишком сложное и многогранное. Люди не всегда любят лишь за достоинства. Бывает, чувства вспыхивают как от хороших совместных переживаний, так и от плохих. Я предпочитаю не лезть туда, где ничего не понимаю, чего и вам желаю. А сейчас я бы попросил вас покинуть мой кабинет тем же путем, которым вы сюда попали. У меня еще полная приемная посетителей.

Ию терзали вопросы, но по тону хозяина она поняла, что продолжать расспросы бесполезно. Погрузившись в раздумья, она молча поплелась к пролому в стене, где ее терпеливо ожидал юный провожатый. Как только она протиснулась в узкий проход, господин Репсимэ лениво махнул рукой, и обвалившийся кусок стены занял свое прежнее место, словно и не было никакого обрушения.

– Идем, – шепнул Тит, когда коридор снова окутала тьмота.

И неудавшиеся шпионы двинулись в обратном направле-

нии.

Вскоре они оказались в чулане. Тит закрыл тайной проход, вновь завалил его старыми вещами и спросил:

– Теперь тебе проще поверить в то, что я рассказывал о доме?

Ия смерила его недовольным взглядом.

– Теперь меня больше беспокоят совсем другие вещи.

Тит снова усмехнулся:

– Со временем это не будет тебя так задевать.

– Но я хочу совсем не этого!

– А чего тогда?

– Мне нужно подумать...

С этими словами она развернулась и пошла прочь с твердым намерением как можно скорее оказаться в своей комнате. И совсем не удивилась, что вместо «черной приемной» перед ней возникла знакомая дверь. «Пожалуй, к этому действительно можно привыкнуть. Но не ко всему, что здесь происходит, я хотела бы привыкать...»

VI

На следующий день Ия спозаранку отправилась на кухню, где все утро готовила еду. Затем она отыскала Тита и попросила его присмотреть за Орестом.

– Ты куда-то собираешься? – насторожился Тит.

– У меня есть дела, но к вечеру я вернусь. Еды приготовила на весь день. Полагаю, вы сможете сами позавтракать и пообедать?

– Ну мы как-то управлялись с этим до твоего появления, – Тит не сводил с нее пронизательного взгляда. – Но что за дела у тебя появились так неожиданно?

– Давай не будем задавать друг другу лишних вопросов, – ответ прозвучал резче, чем хотелось бы, но Ия была не в настроении что-либо обсуждать. Ее мысли занимало совсем другое.

– Ладно, как скажешь, – Тит равнодушно пожал плечами, но не двинулся с места, продолжая сверлить ее взглядом.

Ия поспешно сняла фартук и молча пошла к двери. Как только она оказалась за порогом кухни, направилась к черному ходу. Она намеревалась притвориться, что покидает дом, отправляется по каким-то своим делам. Но мысли ее были далеко, поэтому она оказалась не там, где планировала, а там, куда хотела отправиться на самом деле – у входа в чулан.

«Ладно, – подумала Ия, – зачем мне врать? Здесь все делают то, что хотят, так почему бы и мне не вести себя точно так же. Если я решила еще разок понаблюдать за работой господина Репсимэ, то что в этом такого? Тита мое желание не удивит: судя по всему, он сам не раз подглядывал за хозяином дома».

Договорившись таким образом со своей совестью, она шагнула в чулан и повторила все то же самое, что вчера сделал ее провожатый. Вскоре, как и днем ранее, она оказалась в крошечной тьме потайного хода. Двигаясь на ощупь, Ия шла вперед. Вчера она считала шаги, даже не понимая, зачем это делает, но сегодня знание того, что до потайного окошка ровно тридцать три приставных шага, давало ей возможность найти нужное место.

Оказавшись у искомой стены, Ия принялась шарить перед собой. Поначалу она ничего не могла нащупать и уже решила, что, возможно, неверно посчитала шаги. Но она не намеревалась сдаваться, а потому продвинулась чуть вперед и продолжила искать в темноте. Вскоре ее левая ладонь задела небольшую выпуклость. Ия ощупала ее пальцами и поняла, что это задвижка. Осторожно потянув за нее, Ия наконец-то увидела проблеск света, проникший в темноту прохода из образовавшегося отверстия. Жадно прильнув к нему глазами, она принялась наблюдать.

Все разыгрывалось по тому же сценарию, что и днем ранее: люди приходили, отдавали бумажки с желанием, плати-

ли деньги и удалялись. Большинство из визитеров уносили на своем плече тень. Каждый раз, видя это темное пятно, Ия чувствовала укол в самое сердце. Она не могла поверить, что столько людей вокруг желают зла другим.

В конце дня, когда дверь закрылась за последним просителем, господин Репсимэ поднялся со своего места, взял поднос и, подойдя к камину, высыпал все записки в огонь. Пламя ярко вспыхнуло и с жадностью набросилось на предложенную пищу.

Когда от бумажек не осталось ничего, кроме пепла, хозяин дома взмахом руки погасил огонь и неторопливо направился к двери. Через мгновение она захлопнулась за ним, а свечи в канделябрах погасли, погрузив кабинет во тьму.

Ия тихонько закрыла свое наблюдательное окно и, стараясь не шуметь, медленно пошла к выходу из темного туннеля. Двигаться было непросто: она целый день провела в неудобной позе, и теперь все мышцы жалобно ныли и отказывались слушаться. Когда Ия все же выбралась, у двери чулана ее поджидал Луп.

От неожиданности она чуть не свалилась обратно, споткнувшись о палку, валявшуюся на полу.

– Итак, что нового? – Луп смерил ее насмешливым взглядом.

– Я тут... – Ия совсем растерялась, ведь не ожидала, что кто-то поймает ее с поличным.

– Подглядываешь, – закончил за нее Луп. – Это я уже по-

нял.

– Я... просто... – она попыталась придумать себе какое-то оправдание, но ложь всегда давалась ей тяжело.

– Да не трудись! Главное, ты не решила нас бросить, как мы было подумали, когда ты сегодня вдруг куда-то исчезла.

– Бросить? Я? – Ия в изумлении посмотрела на Лупа. – Ни о чем подобном я и не думала!

– Отлично, – Луп привычно шмыгнул носом, – тогда лучше пойти к мелким и успокоить их, а то они малость перенервничали, пока тебя не было.

Он поспешно скрылся из вида, что-то насвистывая себе под нос.

– Тьма побери, Луп! – Ия собиралась последовать за ним, но снова споткнулась обо что-то и чуть не упала. – О, Свет всемогущий!

Она поспешно сгребла в охапку весь хлам, который рассыпался по полу: тряпки, швабры, какие-то сломанные садовые инструменты и что-то еще, что не могла идентифицировать, кое-как затолкала все обратно в чулан и быстро захлопнула дверь.

Затем Ия бросилась к лестнице и побежала наверх. Оказавшись в коридоре, она прислушалась и различила голоса, доносящиеся из комнаты Тита.

– Можно войти? – спросила она, осторожно постучав в дверь.

В ту же секунду дверь распахнулась, и к ней бросились

Орест, Фирс и Фока. Они буквально сбили ее с ног. Ия, не ожидавшая такого приема, не устояла и вместе с повисшими на ней детьми свалилась на пол прямо на пороге.

– Ай, – воскликнула она, больно ударившись. – Вы не ушиблись?

– Ты вернулась! – обрадовался кто-то из близнецов.

– Я никуда и не уходила, – Ия попыталась удобнее устроиться на полу и обнять детей.

Подняв глаза, она увидела Тита. Встретив ее вопросительный взгляд, он неловко усмехнулся.

– Это все Луп. Как только узнал, что тебя сегодня не будет, тут же начал внушать всем, что ты решила покинуть этот дом. Я пытался его переубедить, но он заладил: «Я так и знал, что она скоро уйдет. Вы во всем виноваты, целыми днями проходу ей не давали, вот она и сбежала!» И все в таком духе. Ну, ты его знаешь. Мои доводы никто слушать не стал, все поверили в твой побег.

Ия не смогла сдержать обреченный вздох.

– Луп! – только и сказала она, думая, что с удовольствием надрала бы ему уши, если бы он имел неосторожность сейчас попасться ей на глаза.

– Доводы Лупа звучали вполне убедительно, – раздался из глубины комнаты голос Юста. – А ты не мог сказать ничего вразумительного. Поэтому его версия и выглядела более правдоподобно.

Юст подошел к Ие и протянул ей руку.

– Ну все, ребята, разойдитесь, дайте ей встать.

Близнецы и Орест неохотно выпустили девушку из своих объятий, и Юст с Титом помогли ей подняться.

– Спасибо, ребята, – Ия неловко отряхнула платье и еще раз пробежала взглядом по стоящим перед ней детям.

Краем глаза она уловила движение: у кровати на полу сидел Элим. Он, как обычно, молчал и не решался приблизиться к столпившейся в дверях компании.

– Ох, Элим, неужели и ты поверил, что я могла бросить вас даже не попрощавшись?

– Я не особо сообразительный, а потому всегда верю тому, что мне говорят, – ответил он едва слышно. – И потом, с нами ведь такое случалось... В смысле, нас уже бросали. Раньше... ну то есть не всех, но многих из нас... и меня...

На глаза Ии набежали слезы, она быстро пересекла комнату и заключила Элима в объятия.

– Я вас никогда не брошу! Кто бы что ни говорил. Верьте мне!

Элим молча кивнул, прижавшись к ней. Остальные дети тоже подошли и заключили Ию в круг из своих маленьких ручек. Только Тит и Юст остались стоять в стороне, хотя по их лицам было видно, что и они не прочь присоединиться к общим объятиям. Но в силу возраста им было неловко проявлять свои чувства подобным образом.

– У меня, действительно появились кое-какие дела, но это не значит, что я собралась уходить, – продолжила Ия. – И

надеюсь, что впредь вы будете более спокойно реагировать на мое отсутствие.

– Хорошо, – ответил ей хор радостных детских голосов.

VII

На следующий день Ия вновь заняла свой пост у крошечного отверстия в стене и просидела там до самого вечера. Но в этот раз, увидев, что последняя посетительница направилась к выходу с тенью на плече, Ия не стала ждать, а сразу поспешила прочь. Выбравшись из чулана, она стремглав бросилась бежать, представляя кабинет господина Репсимэ. И действительно, стоило ей повернуть, она тут же оказалась у нужной двери.

Запыхавшись, она ворвалась в кабинет как раз в тот момент, когда хозяин дома собирался подняться со своего места.

– Снова плохих желаний было больше, – начала Ия с порога.

– Как и всегда, – спокойно ответил мужчина, совершенно не удивившийся ее внезапному появлению. – Многим людям кажется, что их счастье кроется в несчастьях других.

Он встал и неторопливо приблизился к камину. Ия решительно подошла к подносу, взяла его и подала хозяину. Как обычно, он ссыпал все прошения в огонь. Она постояла рядом, невольно залюбовавшись пламенем, жадно поедавшим бумагу.

Когда с записками было покончено, Ия торопливо направилась к выходу. Она уже взялась за ручку двери, но госпо-

дин Репсимэ внезапно окликнул ее:

– Ты кое-что забыла.

В этот момент из ее кармана вылетел сложенный листок – записка с желанием последней гостьи. Это прошение Ия незаметно, как ей казалось, стащила с подноса, перед тем как передать его хозяину дома.

Листок пролетел через весь кабинет и упал прямо в камин – к остальным запискам, уже обратившимся в пепел.

Вздохнув, Ия покинула кабинет. Как только дверь закрылась, она вновь бросилась бежать, в этот раз устремившись к входу.

Выскочив на улицу, она стала озираться по сторонам в поисках той девушки. Заметив ее среди людей, спешащих по своим делам, она побежала следом. Но неожиданно ей навстречу вышел крупный мужчина, весь окутанный тьмой. Она вилась вокруг него, подобно черному плащу. Ия в ужасе отшатнулась, уступая дорогу, и замерла, глядя вслед незнакомцу. Она не могла оторвать от него глаз, пока он не скрылся из виду. Когда Ия опомнилась и начала оглядываться, стараясь найти несчастную девушку, за которой гналась, той и след простыл. Осознав, что ей ничего не удалось изменить, Ия отправилась домой, понуриив голову.

Но она была упрямой. На следующий день она решила испробовать другой план и снова отправилась к смотровому окошку. Она обратила внимание, что в процедуре произошли небольшие изменения: теперь прошения сгорали сра-

зу, как только оказывались на подносе. Ия поняла, что бесполезно даже пытаться вновь выкрасть записку. Она покинула свой наблюдательный пункт, выбралась из чулана и отправилась напрямиком в приемную. Ту, как обычно, заполняла самая разнообразная публика. Кто-то беседовал с другими гостями, кто-то стоял в сторонке, смущенно опустив глаза. Некоторые сидели на скамейках и стульях. Ию не особенно интересовали все эти люди. Ее внимание было приковано к двери кабинета. Как только из нее вышел мужчина с тенью на плече, она поспешила за ним.

На улице Ия заметила, что тень постепенно протягивает свои щупальца к сердцу мужчины. Она была не такой темной, как у женщины, пожелавшей смерти супруге любимого, и Ия предположила, что его желание не подразумевает чью-то гибель. Она окликнула незнакомца. Он обернулся и недоуменно посмотрел на нее.

– Я работаю на господина Репсимэ, – начала она.

– Он что-то мне передал? – мужчина казался испуганным.

– Нет, – она нетерпеливо мотнула головой, – я хотела попросить вас изменить свое желание. Я не уверена, но, возможно, еще не слишком поздно, чтобы все исправить. Я знаю, вы хотите кому-то зла. Нужно, чтобы вы отменили это желание.

– Я не могу! – на его лице отразилось раздражение, и он продолжил, понизив голос: – Да, я пожелал, чтобы мой конкурент потерпел неудачу с нынешним контрактом. Тогда я

займу его место, и моя фирма останется на плаву. Но если этого не произойдет, «Ральф и Ко» заключат с ним постоянный контракт, и я разорюсь. Мой дом в залоге, моя мать больна. Я не могу мечтать о чем-то другом, как бы я ни хотел. Это единственное мое желание.

– Но неужели нет другого способа добиться желаемой цели? Почему просто не пожелать здоровья матери? Или получения другого контракта?

Собеседник криво усмехнулся:

– Это так не работает. Если вы служите у Него, то должны знать это лучше меня.

Он развернулся и зашагал прочь. Ия хотела ему возразить, но в этот момент тень, сидящая на его плече, потемнела и посмотрела прямо на нее. Нет, у тени не было глаз, но Ия тем не менее почувствовала ее зловещий взгляд. Она ощутила, как страх проникает в самое сердце. В ту же секунду что-то невидимое схватило ее и потащило обратно к дому. Неведомая сила влекла Ию, и она мчалась спиной вперед, рискуя остаться без ботинок, потому что ее ноги волочились по земле. Люди проходили мимо, но никто не обращал на летящую сквозь толпу девушку никакого внимания. Ия все так же задом наперед ворвалась в открытые двери дома, пронеслась через полную народа приемную в кабинет и врезалась спиной в кресло, которое тут же заняло место напротив господина Репсимэ. Неведомая сила исчезла, и испуганная Ия плюхнулась на сиденье. Дверь в кабинет тут же захлоп-

нулась.

– Нельзя исправить желание, которое было загадано. После оплаты сделка считается заключенной и не подлежит отмене. Сжигание в таком случае – это лишь символ, не более того. Так что не пытайся вновь выкрасть записки, это бесполезное занятие, которое никогда не увенчается успехом.

Господин Репсимэ не выглядел рассерженным, и голос его оставался таким же ровным и спокойным, как обычно, хотя в черных глазах все же читалось легкое недовольство.

А вот Ия очень испугалась. И дело было даже не в стремительном полете.

– Оно посмотрело на меня, – произнесла она дрожащим голосом.

– Да, – хозяин дома не удивился, – Тьма тебя заметила.

– И что это значит?!

– Она будет за тобой наблюдать.

Ия нервно заерзала в кресле.

– Чем мне это грозит?

– Ничем. Пока ты не пожелаешь причинить кому-то зло, – он смерил ее взглядом, словно оценивая.

– Как я могу, зная, какие ужасные последствия это влечет!

Дрожь постепенно начала отступать, и Ия почувствовала, что снова может дышать свободно.

– Они тоже знают, и все же идут на это.

– Нет, – она мотнула головой, – в том-то все и дело, что не знают. То есть вы, конечно, их предупреждаете, но они

не видят эти тени! Они не подозревают, какой ужас испытываешь, глядя на них. Если бы я смогла рассказать им, объяснить... Тогда, возможно, они бы передумали, – Ия замолчала, а потом, внезапно просияв, произнесла: – Вы должны дать мне возможность поговорить с ними до того, как они загадают желание.

Устремленные на нее глаза слегка сузились, но это единственное, что выдало мысли господина Репсимэ. Кабинет погружился в безмолвие.

Наконец хозяин дома кивнул:

– Хорошо, завтра в приемной для тебя будет готово место.

Ия просияла.

– Спасибо!

Она едва сдержалась, чтобы не захлопать в ладоши от радости. На его лице промелькнула тень улыбки.

– Боюсь, ты будешь разочарована.

– Пусть так. Но я не прощу себе, если хотя бы не попытаюсь.

– Что ж, – лицо хозяина дома вновь стало серьезным и непроницаемым, – теперь, если ты не против, я хотел бы вернуться к своим обязанностям.

– Да, конечно, простите! – Она подскочила с кресла и стремглав выбежала за дверь.

Ия была вне себя от счастья и на радостях захотела приготовить на ужин что-нибудь особенное. Она решила испечь торт, чтобы порадовать детей.

Как только Ия принялась за готовку, на пороге ее маленького кухонного царства возникли Луп и Тит.

– Что ты задумала? – без предисловий начал Луп, скрестив на груди руки.

– Собираюсь печь торт, – ответила Ия и окинула ребят быстрым взглядом, продолжая замешивать тесто.

– Луп сейчас спрашивает не об этом, – тихо произнес Тит. Он спрятал руки в карманы и раскачивался, перекатываясь с пятки на носки. – Он имеет в виду твою слезку за господином Репсимэ.

– Я сам могу говорить, – раздраженно перебил друга Луп.

– Ты говоришь так, что невозможно понять, чего тебе нужно, – парировал Тит.

– Нормально я все говорю!

– Мальчики, прекратите! – вмешалась Ия. – Я ничего не задумала.

– Ты привлекла Тьму! – воскликнул Луп.

Ия окинула его пристальным взглядом:

– Это вышло случайно.

Луп всплеснул руками:

– Случайно, она говорит! Будто есть какая-то разница! Она видела тебя!

Ия равнодушно пожала плечами:

– Господин Репсимэ сказал, что мне ничего не грозит. Если я сама не призову Тьму в свое сердце, она ничего не сможет мне сделать.

Тит и Луп одновременно издали раздраженный не то вздох, не то вопль.

– Нет, ты только посмотри на нее! Она ведь правда в это верит. Будто мы не о Тьме говорим! – Луп возбужденно замахал руками.

– Да уймись ты, – оборвал его Тит.

– Уймись! – еще больше взвился рыжий. – И это ты мне говоришь?!

– Ребята, – вновь поспешила вмешаться Ия, – объясните мне, в чем, собственно, заключается проблема?

– Проблема? Я скажу тебе, в чем проблема! – Луп в раздражении пнул стоявший рядом с ним стул. – Мы говорим о Тьме – вот в чем проблема!

– Ты опять объясняешь так, что ничего не понятно, – вновь включился Тит, поднимая павший в неравном бою стул. – Она не читает твои мысли, поэтому, будь любезен, формулируй их вслух полностью.

– Да что тут непонятного? Мы говорим о Тьме! О ТЬМЕ!

Тит обреченно вздохнул.

– В общем, он хочет сказать, что Тьма не всегда играет по правилам.

Ия внимательно пригляделась к своим взволнованным собеседникам.

– Вы хотите сказать, что, несмотря на заверения господинна Репсимэ, она все же может причинить мне вред?

В ответ мальчишки заговорили одновременно:

– Ну... думаю, господин Репсимэ не позволит...

– Конечно, она причинит тебе вред, и еще какой! Можешь в этом не сомневаться.

Ия на несколько мгновений задумалась, но потом неприужденно тряхнула головой:

– Ладно.

– Ладно? Что значит твое «ладно»? – не унимался Луп.

– То и значит. Вы ведь ничего не знаете наверняка. Поживем – увидим.

Луп открыл было рот, но Тит довольно сильно ткнул его локтем в бок.

– Замолчи, – прошипел он ему на ухо.

– Чего это я должен молчать, – обиженно зашелестел в ответ Луп, потирая бок. – Она ведь ничего не понимает.

– А ты все равно ничего не можешь объяснить, только еще больше все запутываешь.

Продолжая перешептываться, ребята покинули кухню.

Ия проводила их насмешливым взглядом. Нельзя сказать, что слова Лупа не вызвали в ней беспокойства, но она чувствовала такой душевный подъем, что решила затолкать это беспокойство подальше, чтобы оно не мешало радоваться. Да, Ия видела Тьму, и та ее пугала. Но она не собиралась поддаваться страху. Она хотела бороться с Тьмой, и ничто не могло ее остановить.

Прежде чем приступить к исполнению задуманного, Ия решила прояснить для себя несколько моментов. Поэтому,

когда вся разношерстная компания собралась вечером за столом, она пододвинула свой стул как можно ближе к хозяйину дома и тихо начала:

– Господин Репсимэ, могу я задать вам несколько вопросов?

Он одарил ее внимательным взглядом непроницаемых глаз и произнес ровным голосом:

– Ты всегда можешь задавать мне любые вопросы, если действительно хочешь услышать ответы.

Ия на секунду замешкалась, обдумывая услышанное. В словах хозяина дома ощущалось скрытое предостережение, но все же она решила не отступить.

– Хорошо. Даже осознавая вероятность того, что ответы мне могут не понравиться, я хочу их услышать.

Господин Репсимэ удовлетворенно кивнул:

– Итак, я слушаю.

Ия набрала в легкие побольше воздуха, предвидя долгую беседу, и приступила к расспросам:

– Как я успела понять, не все желания можно загадывать?

– Человек может загадывать любые желания, это его право, – господин Репсимэ наклонился к ней, – но я не могу выполнить некоторые из них.

– Ладно, пусть так... – Ия тоже невольно приблизилась к собеседнику. – Какие есть ограничения? Я уже знаю, что вы не можете заставить человека полюбить против воли. Что еще вам неподвластно?

– Как и говорил тебе тот господин, которого ты просила забрать желание, я не могу исцелять людей. То есть если на данный момент времени нет человека способного вылечить данную болезнь, то я бессилён. – Хозяин дома откинулся на спинку кресла, не сводя с собеседницы пристального взгляда. – Как только человек заключает со мной сделку, запускается цепь событий, которая в итоге приводит к исполнению желания. Но нужно понимать, что нельзя просто захотеть, к примеру, стать богатым. Ведь деньги не падают на голову с неба, они откуда-то берутся. Другими словами, если один получает деньги, другой обязательно лишается их. Поэтому тот, кто желает богатства, должен осознавать, откуда оно приходит. Если есть богатый родственник, можно пожелать вступить в наследство. Но его получают лишь после смерти, следовательно, желая наследства, человек тем самым желает смерти своему родственнику.

– Почему не пожелать, чтобы родственник поделился своими деньгами при жизни? Разве это невозможно?

– Как правило, если родственник может поделиться деньгами при жизни, он это делает и без моего участия. Для этого можно просто попросить. Но чаще всего те, кто желает наследства, не видят или не хотят видеть другого выхода, кроме смерти.

– А если нет богатых родственников?

– Как я уже сказал, когда один обретает богатство, другой теряет его. Загадывая желание, человек должен знать, кто

именно теряет. Это правило применимо не только к деньгам. Если ты чего-то хочешь, ты должен знать, откуда можешь это получить. Именно поэтому люди желают зла. Ведь всегда проще отобрать что-то у того, у кого оно уже есть, чем тратить время и силы на исполнение мечты честным путем.

– Другими словами, люди своими желаниями воруют чужое счастье?

В обращенном на нее взгляде Ия заметила промелькнувшее удивление.

– Ты очень точно сформулировала это.

– Но ведь не все желания призывают Тьму. Есть хорошие желания?

– Как ты успела заметить, таких меньшинство. И, как правило, эти желания не о себе.

– Получается, единственное, что поможет тем людям в приемной избежать Тьмы – это отказ от желаний?

На лице Дивраджа Репсимэ появилась загадочная улыбка.

– Теперь ты осознаешь, какую трудную задачу ставишь перед собой? Ты должна убедить людей, жаждущих скорейшего исполнения своей мечты, чтобы они отказались от нее, находясь в шаге от желаемого.

Ия нахмурилась, обдумывая услышанное.

– Но я постараюсь рассказать об ожидающих их последствиях.

– Последствия и называются так, потому что следуют за исполнением желаемого. Большинство людей не хотят смот-

реть так далеко.

Ия вновь задумалась. Предстоящая ей задача действительно была не из легких. Но тут ей в голову пришел еще один вопрос:

– А смерть? Вы можете управлять ею, правильно я понимаю?

– Я не властен над Смертью. Лишь над событиями, которые приводят к ней.

– В чем разница? Если можно пожелать смерти человеку, и он умрет.

– Разница огромна.

– Я не понимаю...

– Все в свое время. Смерть – это не то, что можно понять на словах. Ее постигаешь, лишь столкнувшись с ней лицом к лицу.

– То есть умерев?

– Один из вариантов.

– Есть другие варианты?

– Не могу сказать, никогда прежде с ними не сталкивался.

– А вы подвластны Смерти?

– Свет, Тьма, Смерть и Любовь – они властны над всем в этом мире, но над ними никто не имеет власти.

– Я считала, что любовь – это часть света, а смерть – часть тьмы.

– Любовь не всегда свет. А Смерть не всегда тьма. Любовь и Смерть не играют по правилам.

– А Свет и Тьма играют?

– Скажем так: между ними достигнуты определенные договоренности.

– Разве они не враги?

– Разумеется, нет! Они конкуренты, осознающие ценность своего соперника. У них нет причин для вражды.

Договорив, господин Репсимэ придвинулся к столу и принялся за еду, тем самым давая понять, что на сегодня распросы окончены.

Ия не стала настаивать на продолжении диалога. После разговора у нее было достаточно пищи для размышлений. Теперь, когда она немного понимала, как именно работают желания, ей стало еще страшнее: сколько людей вокруг хотят отобрать что-то у других. И как же тяжело ей придется... Но она не намерена отступать, не попробовав задуманного.

VIII

На следующее утро Ия проснулась раньше обычного. Оставив Ореста и близнецов досматривать сны, она бегом бросилась на кухню. Нужно было успеть приготовить детям завтрак и обед до того, как в приемной господина Репсимэ начнут собираться посетители.

Приготовив еду, Ия вернулась в свою комнату как раз к моменту пробуждения малышей. Она обняла их и расцеловала, как делала каждое утро. Затем, выглянув в коридор, позвала Лупа. Как всегда растрепанный, он появился спустя мгновение, словно только и ждал, когда его позовут. Ия объявила, что с сегодняшнего дня она будет помогать господину Репсимэ, и в течение дня дети остаются на попечение Лупа.

– Почему на мое?!

– Потому что я уверена, что ты всегда найдешь, кому порекомендовать это дело.

Не желая продолжать препирательства, Ия выскочила в коридор и почти бегом бросилась к приемной.

Оказавшись там, она огляделась и заметила в дальнем углу комнаты небольшой прямоугольный стол и стул. «Это мое место!» – пронеслось у нее в голове.

– Да, с сегодняшнего дня это твое рабочее место. Если, конечно, ты не передумала.

Появление господина Репсимэ, как всегда, было бесшум-

ным, а потому Ия вздрогнула от неожиданности, но тут же взяла себя в руки.

– Нет, я не передумала, – смело ответила она.

– Ну что ж, тогда я буду направлять к тебе тех, чьи желания особенно темны.

– Как вы это сделаете?

– Тит нам поможет. Я скажу ему, кому из посетителей необходимо сначала поговорить с тобой.

– Вам известны их желания до того, как они их вам передадут? – удивилась Ия.

– Желания гостей становятся мне известны, как только они переступают порог моего дома. Поэтому можешь не сомневаться: люди, которые будут садиться к тебе за стол, собираются связать себя с Тьмой. Но мой тебе совет: не пытайся выведать то, что они хотят. Помни, содержание не важно. Ты должна постараться убедить их отказаться от желания совсем. Но это будет непросто.

– Я знаю, – Ия храбро вскинула подбородок, – но не пойду на попятную, пока не попробую.

Он молча кивнул в ответ и по-прежнему бесшумно проследовал в свой кабинет. Как только дверь закрылась, тут же распахнулась входная, и в приемную хлынула пестрая толпа.

Ия, как и прежде, обратила внимание, насколько разношерстная публика собирается в этом помещении: здесь находились и те, чей вид буквально кричал о богатстве; были и люди среднего достатка, и жмущиеся по углам бедняки.

Последние явно чувствовали себя не в своей тарелке в обществе состоятельных господ и, судя по всему, особо остро ощущали свое неприглядное место в этой жизни. Разумеется, бедняков было значительно меньше, ведь за исполнение желания взималась плата, причем, как поняла Ия, не маленькая. Где эти люди в грязной, поношенной одежде находили деньги? Ради какой мечты они готовы потратить, возможно, последнее? Эти и многие другие вопросы роились в голове Ии, пока она сидела в своем укромном уголке.

Тем временем посетители, которых с каждой минутой становилось все больше, кидали в сторону незнакомой девушки вопросительные и даже боязливые взгляды.

Через какое-то время в дверях кабинета господина Репсимэ возник Тит. Ия не видела, как он туда входил, поэтому немало удивилась его появлению. Тит не терял времени даром – организовал очередь, вывесив на дверь кабинета список с именами, и объявил, что с сегодняшнего дня те, чье имя помечено галочкой, должны проследовать сначала к столу госпожи Дисеммиарт. Он указал на сидящую в углу Ию и сообщил, что госпожа Дисеммиарт сама решит, сколько будет длиться беседа. Но если за время разговора подойдет их очередь идти в кабинет к господину Репсимэ, они должны незамедлительно проследовать туда. К удивлению Ии, никто не высказал возражений.

Тит приблизился к Ие и ободряюще кивнул.

– Ну что, ты готова?

Ия ответила ему неуверенной улыбкой и неопределенным пожатием плеч.

Тит склонился над ней и прошептал на ухо:

– Не знаю, зачем тебе это нужно, но желаю удачи. И если что, я буду тут поблизости.

Ия одарила его благодарным взглядом и кивнула чуть увереннее.

Дверь в кабинет господина Репсимэ открылась, и гости притихли. Как только невысокий, полный мужчина пересек порог, в приемной возобновились негромкие разговоры.

К Ие подошел незнакомец средних лет. Судя по его одежде, не бедный, но и состоятельным его тоже нельзя было назвать. Он остановился рядом со столом Ии в нерешительности:

– Напротив моего имени в списке стоит галочка, – начал он слегка подрагивающим голосом, нервно теребя в руках шляпу. – Мальчик сказал, что нужно подойти к вам, если я ничего не напутал.

Ия поспешно кивнула.

– Да, пожалуйста, садитесь.

Мужчина неловко опустился на самый край стула, продолжая безжалостно мять шляпу. На его лице читался страх и непонимание. Ия внимательно всматривалась в его глаза, пытаясь рассмотреть признаки злых намерений. Она не знала, с чего начать. Конечно, ранее она репетировала речь, в которой ей очень хорошо удавалось описать ужасные послед-

ствия желаний. В ее голове эта речь звучала так убедительно, что любой, кто ее услышал бы, непременно должен был отречься от всех темных мечтаний. Так она себе это представляла. Но теперь она видела перед собой реального человека, и подготовленная речь уже не казалась такой убедительной. Более того, заготовленные слова совершенно неожиданно растаяли в голове, не оставив и следа.

Из-за затянувшегося молчания, повисшего над столом, мужчина занервничал еще сильнее. Поэтому, сделав над собой усилие, Ия начала:

– Здравствуйте! Меня зовут Ияоса. Вас направили ко мне, потому что ваше желание... – она запнулась, затрудняясь в формулировке, – ваше желание... оно может причинить кому-то вред.

Мужчина окинул ее недоуменным взглядом.

– Но я ведь именно этого и хочу, – проговорил он шепотом, опасливо озираясь по сторонам.

Ию поразило то, с какой легкостью безобидный на вид собеседник признался в том, что желает зла.

– Но... – растерянно продолжила она, – ваше желание и вам самому причинит вред.

– Как это? – на лице мужчины отразился неподдельный испуг.

– Тьма оставит след в вашем сердце.

– И что мне с того? – по его лицу разлилось облегчение.

– В моем сердце полно места, и Тьме тоже хватит.

– Вы не понимаете, – Ия решила, что недостаточно хорошо все объяснила, и попыталась более понятно донести свою мысль, – Тьма ужасна! Вы будете постоянно ощущать ее в себе, она будет съедать вас изнутри. Все ваши мысли и чувства будут поражены Тьмой.

На лице мужчины отразилось нетерпение.

– Ну и что с того? Если мое желание исполнится, так остальное не имеет значения. Я долго копил деньги, во многом себе отказывал не ради того, чтобы сейчас уйти ни с чем.

Ия растерялась. Она не могла в полной мере передать словами ужас от Тьмы, смотрящей в твои глаза, от Тьмы, живущей в твоём сердце и пожирающей тебя изнутри. Ия не знала, откуда в ней взялось понимание этого, ведь ее сердце было свободным от Тьмы, но чувствовала тот ужас очень остро. Вот только как передать его словами – не знала.

– Если это все, что вы хотели мне сказать, то я, с вашего позволения, пойду. Скоро подойдет моя очередь.

Ия печально кивнула. Мужчина поднялся со стула, неловко кивнул в ответ и поспешил затеряться в разномастной толпе.

Ия разочаровалась, но постаралась взять себя в руки, ведь к ее столу приближалась хорошо одетая девушка. От нее веяло роскошью и достатком. Кроме того, она была очень красива. Чего могла желать та, которую судьба и так уже одарила столькими благами? Почему она стремится к Тьме, а не к Свету?

Пока Ия задавалась этими вопросами, девушка подошла к столу с гордо поднятой головой. В отличие от предыдущего собеседника, она держалась вполне уверенно. Она села на стул, смело глядя в глаза растерянной Ие.

– Здравствуйте! – у незнакомки был очень приятный голос.

– Здравствуйте.

Рядом с этой ухоженной, невероятно красивой и решительной молодой дамой Ия ощутила себя не в своей тарелке. Она вдруг особенно остро почувствовала, насколько старым и невзрачным выглядит ее платье по сравнению с элегантным шелковым нарядом собеседницы. А кожа на руках Ии грубее кожи перчаток, обтягивающих изящные длинные пальцы девушки, спокойно лежащие на коленях.

– Вы должны мне что-то сказать? – нетерпеливо продолжила незнакомка. По ее тону было ясно, что она привыкла повелевать, а не просить.

Ия постаралась придать голосу уверенности, хотя и знала, что никогда не сможет вести беседу, как эта дама.

– Да, я хотела бы попытаться отговорить вас от вашего желания, потому что...

– Что? – в приятном голосе появились режущие слух визгливые нотки. – Хотите, чтобы я ушла ни с чем?! Я не для этого проделала весь этот долгий путь!

– Я понимаю, но...

– Ничего ты не понимаешь, – девушка буквально на глазах

приобретала все более отталкивающий вид. – Кто ты вообще такая, чтобы указывать мне?!

– Я не указываю, лишь хочу предупредить, что Тьма станет вашей спутницей, если вы загадаете желание, – голос Ии дрожал от обиды.

– Это все, что ты хотела мне сказать?

– Я... хотела предостеречь вас от поступка, который будет иметь серьезные последствия в будущем...

– Прибереги свои проповеди для более легковверных!

С этими словами дама резко поднялась, отчего стул, на котором она сидела, с грохотом повалился на пол. Не обращая на это внимания, она быстро удалилась, оставив сидящую на месте Ию наедине с ощущением полной беспомощности и абсолютной никчемности.

После ее ухода Ия совершенно лишилась уверенности в себе и способности переубедить хоть кого-нибудь. Она осознала то, чего совсем не ожидала: людей, приходящих к господину Репсимэ, не пугает Тьма.

На протяжении всего дня она продолжала свои тщетные попытки и к вечеру ощутила себя совершенно опустошенной. Ее собеседники были готовы на все ради исполнения своих желаний. Ради собственного счастья они желали зла или даже смерти другим. Тот факт, что единственной расплатой за это будет некая абстрактная Тьма в сердце, а не реальный тюремный срок, их не отпугивал, а, напротив, воодушевлял. Понимание этого приводило Ию в отчаяние и дела-

ло несчастной.

Как только дверь за последним просителем, унесшим на своем плече черную тень, закрылась, она уронила голову на сложенные на столе руки и замерла. Она хотела вычеркнуть из памяти этот день, чтобы снова обрести возможность смотреть на окружающих людей без отвращения. Ей казалось, что она навсегда потеряла способность видеть в людях хорошее. После сегодняшних бесед Ия осознала, с какой легкостью они совершают ужасные поступки, если не ожидают немедленной расплаты. «Неужели никто из них не испытывает угрызений совести?» – думала она.

– Их оправдывает одно: большинство не осознает, к каким последствиям в итоге приведут такие желания, – раздался над ее склоненной головой спокойный голос господина Репсимэ.

– Но я ведь им говорю, – еле слышно пробормотала Ия, не поднимая головы.

– Нет, ты говоришь о Тьме, а не о том, что их желания могут исполниться не так, как они себе это представляют. Многие просто не понимают, что исполнение желания приведет, например, к чьей-то смерти. Они вспомнят твои слова, когда то, чего они сейчас так страстно хотят, воплотится в жизнь, но вместо радости принесет лишь сожаление.

– Но будет уже поздно, – Ия наконец приподняла голову и посмотрела на господина Репсимэ, присевшего на край ее стола.

– Да, будет поздно, но они раскаются, – спокойно произнес он.

– Но исправить уже ничего будет нельзя.

– Вероятнее всего, случившееся остановит их от новых желаний. А это уже кое-что.

– Но не всех.

– Разумеется, есть те, кто все глубже и глубже погружается во Тьму.

– И их уже не спасти?

Хозяин дома ответил не сразу. Вместо этого он внимательно взгляделся в грустное лицо Ии.

– Я не знаю, – сказал он и, помолчав, добавил: – Но, возможно, тебе удастся найти ответ.

– Мне?! Да что я могу? Я не в состоянии даже заставить их слушать.

– Они слушают тебя, просто не хотят понимать.

– И как мне заставить их понять?

– Для начала сама поверь в то, что говоришь.

– Но я верю, ведь я все видела!

– Ты веришь в Тьму. Но в то, что сидящие перед тобой люди могут отказаться от своего желания, не веришь. Поэтому и они не верят, что способны на это. Как только они садятся вот на этот стул, ты начинаешь искать в них признаки Тьмы и в конце концов находишь их. Если хочешь, чтобы они отвернулись от Тьмы, ищи в них Свет.

С этими словами господин Репсимэ поднялся и ровным,

уверенным шагом направился к стене, где был замаскирован выход.

– Завтра я попытаюсь снова! – крикнула ему вслед Ия как раз в тот момент, когда потайная дверь закрывалась за ним.

IX

Следующий день начался так же, как предыдущий. Когда входные двери распахнулись для посетителей, Ия уже сидела за небольшим столом в уголке.

Тит озвучил правила, вновь подошел к ней и тихо проговорил:

– А если и сегодня ничего не выйдет?

Ия грустно вздохнула и пожала плечами:

– Ох, не знаю. Мне очень хочется верить, что однажды у меня получится. Хватит ли у меня на это терпения?

– Не бойся Тьмы. Верь в Свет! – Тит ободряюще кивнул ей напоследок и скрылся из вида.

Посетителей снова было очень много. Глядя на них, Ия испытывала смешанные чувства: жалость и отвращение. «Почему, почему они ищут легкие пути? – думала она. – Почему не хотят приложить усилия? Почему верят, что их счастье важнее счастья всех остальных?»

Памятуя о том, что говорил вчера господин Репсимэ, Ия попыталась изгнать эти мысли из головы. Ей нужно искать Свет, к нему тянуться. Но каждый, кто садился за маленький стол в углу приемной, вновь и вновь укреплял Ию в мысли, что Тьма уже давно властвует в сердцах большинства людей и нет в них даже проблеска Света.

В середине дня к ней подошел юноша. У него было от-

крытое, честное лицо и глаза, лучащиеся добротой. Глядя на него, Ия не могла поверить, что и он тоже может желать зла. Она не хотела в это верить.

– Ваше желание действительно таит в себе зло?

Юноша не отвел взгляда и неохотно кивнул в ответ.

– Но... – Ия запнулась. Как ей видеть Свет, если даже такие добрые, на первый взгляд, люди оказываются прогнившими изнутри?

– Я не хочу никому вредить, но... – в глазах молодого человека застыли слезы.

Ия замерла в недоумении, ожидая продолжения.

– Но я не знаю, что еще могу сделать. Я все перепробовал... – печально произнес он.

– Всегда есть два пути – светлый и темный. И лишь вам решать, каким идти. Ия увидела, что в душе юноши происходит борьба, и ее посетила робкая надежда.

Молодой человек замолчал, обдумывая услышанное, а потом тряхнул головой, словно пытаясь избавиться от ненужных мыслей.

Видя это, Ия прикусила губу от досады.

– У моей сестры очень тяжелая болезнь сердца, и единственное, что может помочь – это замена органа... – вдруг снова заговорил юноша упавшим голосом. – Я хочу пожелать, чтобы как можно скорее нашлось подходящее сердце. А это значит, что кто-то должен будет умереть, чтобы моя сестра продолжила жить. Но если я не пожелаю этого, я об-

реку на смерть свою сестру... То есть так или иначе кто-то должен скончаться. Только в первом случае это будет чужой, вероятно, незнакомый мне человек, а во втором – моя сестра, единственная родная душа, оставшаяся у меня в этом мире.

Ия поражено переспросила:

– Замена сердца? Это возможно?

Глаза собеседника загорелись:

– Да! Можете себе вообразить?! Но есть всего один человек, который проводит подобные операции. Вы даже не представляете, чего мне стоило найти его и заставить выслушать меня. Он осмотрел мою сестру и сообщил, что, вероятно, поможет, если будет подходящее сердце. Он сказал, что она молода, поэтому у нее очень хорошие шансы пережить операцию. Вот только подходящего сердца все нет, а сестре становится хуже... Не думаю, что она сможет долго ждать...

Ию пронзила тоска. Она не понимала, что сказать в такой безвыходной ситуации.

– Честно, я не знаю, какой дать совет, но не могу не предупредить, что вам придется жить с последствиями своего желания.

– Если его не загадаю, мне тоже придется с этим жить.

– Да, – Ия покорно согласилась. – В вашем сердце нет Тьмы... пока, – произнесла она тихо, скорее, для себя, чем для юноши, который, в отличие от всех остальных, не спешил покидать своего места за столом. Он словно хотел, что-

бы его переубедили, но Ия не находила слов. Она лишь грустно и с пониманием смотрела в ясные глаза молодого человека.

Они так и сидели в тишине, глядя друг на друга, пока не подошла очередь юноши идти в кабинет желаний. Он с явной неохотой поднялся со своего места.

– Мне очень жаль, – все, что смогла сказать Ия на прощание.

На лице парня появилась печальная улыбка.

– Мне тоже... – прошептал он в ответ и медленно, неуверенными шагами проследовал к распахнутой двери, которая заглотила его подобно голодному чудовищу.

Когда молодой человек скрылся в кабинете, Ия с трудом сдержала рвавшееся из груди рыдание: «Я снова проиграла».

На стул перед ней опустился очередной мужчина, но она не ощущала в себе сил продолжать попытки, поэтому без каких-либо эмоций просто сказала, как и всем предыдущим, о последствиях. Но в этот раз она даже не особенно прислушивалась к посыпавшимся на нее возражениям. Пока мужчина все еще что-то говорил, дверь в кабинет снова отворилась, выпуская юношу обратно. Ия жадно впилась в него глазами. На его плече не было тени. Ия старалась поймать взгляд своего недавнего собеседника, но он, не обращая ни на кого внимания, быстро пересек приемную и скрылся за входной дверью.

«Неужели он не загадал желания? Или же я просто не раз-

глядела тень, ведь он шел так быстро?» – в замешательстве подумала Ия.

Она с трудом дождалась окончания дня. Как только последний посетитель покинул приемную, Ия вскочила и опрометью бросилась в кабинет. словно вихрь она влетела в открытую дверь в тот момент, когда господин Репсимэ поднимался со своего огромного кресла. На его лице, как обычно, не отразилось никаких эмоций. Хозяин дома спокойно устремил на незваную гостью вопросительный взгляд.

– Почему на его плече не было тени?

Ия даже не потрудилась объяснить, о ком идет речь, так как знала, что этого не требуется в разговоре с господином Репсимэ.

– Он не желал никому зла, – хозяин дома остановился в паре шагов от нее, глядя сверху вниз пугающе бездонными глазами.

– Но он хотел пожелать сердце для своей сестры, что означает смерть для кого-то. Разве это не зло?

– Если это твое собственное сердце, то это самопожертвование.

– Что?! – голос Ии сорвался на крик.

Но господин Репсимэ не потерял обычного спокойствия.

– Он пожелал отдать сестре свое сердце. Прими мои поздравления, тебе удалось переубедить одного человека.

Ия, все еще не придя в себя, отчаянно замотала головой:

– Но я не этого хотела...

– Разве? Ты хотела убедить людей не желать зла другим. Этот юноша прислушался к тебе. Неужели это не победа?

Ия была обескуражена его невозмутимостью.

– Но он ведь умрет...

– Умрет, никого не убив и подарив жизнь своей сестре. Он станет недосыгаем для Тьмы. Ты отвоевала его у Нее. Поверь мне, это победа! И я поражен. Не думал, что у тебя выйдет.

Ия почувствовала, что земля вот-вот уйдет у нее из-под ног. Она трудом дошла до хозяйского кресла и упала в него без сил.

– Я больше не хочу этого делать, – еле слышно выдавила из себя Ия.

Во взгляде господина Репсимэ впервые промелькнуло удивление:

– Бросаешь?

Ия устало откинулась на спинку кресла и положила дрожащие руки на подлокотники.

– Что бы я ни делала, кто-то все равно страдает. Никакой разницы.

– Разница велика, – в его голосе проскользнули теплые нотки, которых Ия никогда не слышала прежде, – просто ты пока не осознаешь этого.

Она ничего не ответила, не смогла. И так же молча хозяин дома покинул кабинет, оставив ее наедине со своим горем.

X

Ия была очень подавлена. Она не находила места и винила себя в смерти юноши. С того дня она избегала даже думать о приемной, опасаясь, как бы дом против ее воли не привел туда. Вместо этого она вновь с головой погрузилась в рутину домашних дел. Она готовила все более изощренные блюда, но максимум своего времени тратила на уборку. Помня слова Тита о том, что таким образом отвоевывает дом у Тьмы, Ия уходила все дальше в бесконечный коридор, оставляя за собой все больше сияющих идеальной чистотой комнат.

В один из дней, когда Ия была поглощена приведением в порядок очередного помещения, ее сосредоточенность прервал Луп. Он стоял на пороге, привалившись спиной к косяку и небрежно засунув руки в карманы штанов.

– Милостивый Свет, как же далеко ты забралась! Я уже начинаю верить, что тебе и впрямь удастся дойти до конца бесконечного коридора.

– Привет, Луп, ты чего-то хотел?

Ия сидела на полу и мыла в тазике фарфоровые статуэтки, которых в этой комнате была целая коллекция.

Чистые фигурки она раскладывала на полотенце перед собой, но они лежали там недолго, потому что очень быстро попадали в проворные маленькие ручки Ореста и близнецов.

После того как Ия перестала посещать приемную и верну-

лась к прежним занятиям, эти трое всюду следовали за ней. Ия не возражала: их присутствие отвлекало ее от томительных мыслей. Она любила смотреть, как дети играют с разными предметами. Теперь они увлеклись фарфоровыми статуэтками: фигурками дам в роскошных платьях и деревянных девушек в простой одежде, с ягненком или корзиной в руках; мужчин из разных слоев общества, а также животных и птиц, которые особенно нравились детям. Покрытые пылью статуэтки были расставлены в этой комнате повсюду: на столе и комодe, подоконнике и этажерке; какие-то стояли прямо на полу, а некоторые валялись на диване и креслах. Только на их мытье потребовался бы не один день. Но Ия радовалась этому. Она мыла фигурки в теплой воде, а дети сидели рядом и играли ими, успевая, однако, приносить на смену чистым фигурками грязные.

– Не хотел вам мешать, вижу, вы тут заняты очень важным делом, – в голосе Лупа слышался явный сарказм.

– Иди к нам! – воскликнули хором близнецы. – Смотри, сколько у нас игрушек!

– Покорнейше благодарю вас за приглашение, но, в отличие от вас, бездельников, у меня куча дел.

– Так что ты хотел, Луп? – Ия продолжала машинально мыть одну фигурку за другой.

– Просто хотел узнать, сколько еще это продлится?

– Что именно?

– Ну вот это вот все, – он развел руками.

– Не понимаю тебя, – Ия лишь мельком глянула на него.

– Ой, вот только не надо мне тут... Я не наивный ребенок, как эти три шнурка, что всюду таскаются за тобой.

– Не груби! – в голосе Ии послышались стальные нотки.

– Да я разве грублю? Я люблю!

Ия ничего не ответила, и Луп продолжил как ни в чем не бывало:

– Ладно, слушай, я знаю, ты расстроена...

– Я не расстроена, я зла.

– На кого?

– Не знаю... На господина Репсимэ, на себя, на Тьму.

– Ну, если на Тьму, то ты выбрала неверный способ борьбы с ней.

– Я больше не хочу бороться с тем, кого нельзя победить.

Я просто... не знаю, это меня отвлекает... И если это доставляет Тьме хоть немного неудобства, тем лучше.

– Тебе это доставляет гораздо больше неудобства, чем Тьме. Взгляни на свои руки! На что они стали похожи?

Ия невольно опустила глаза: от постоянного соприкосновения с водой кожа на руках стала обветренной и потрескавшейся. А сейчас, когда Ия уже который час снова возилась в воде, все царапины и мозоли разбухли и сморщились, как у древней старухи. Недовольная зрелищем, она мотнула головой.

– Ничего страшного не вижу, – соврала она.

– Ага, – усмехнулся Луп и тут же шмыгнул носом. – На

вот, это тебе.

С этими словами он выудил из кармана стеклянную баночку и запустил ею прямо в сидящую на полу Ию.

Она неловко поймала ее, едва не выронив из мокрых рук.

– Что это?

– Это от бабки Фрузе.

– Очередное волшебное средство для уборки? – Ия с любопытством покрутила в ладони склянку.

– Не для уборки, для твоих рук.

Ия удивленно вскинула голову.

– Для рук?

– Бабка сказала, что с этим кремом кожа на твоих руках станет гладкой и мягкой, как попка младенца. Никогда не трогал поп младенцев, но, как я понял, это эталон мягкости кожи, к которому стремятся женщины. Хотя не понимаю, почему именно попы?

Ия едва сдержала улыбку.

– Но кто просил принести мне этот крем?

– Никто не просил. Я сам решил, – он опустил глаза и начал что-то ковырять носком ботинка.

Пораженная в самое сердце таким проявлением заботы, Ия не знала, что сказать. Ее глаза наполнились слезами, и она с трудом смогла выдавить из себя:

– Спасибо...

– Да ладно, чего уж там, – махнул рукой Луп, развернулся, чтобы уйти, но вдруг остановился: – Кстати, не советую тебе

уходить слишком далеко вглубь коридора.

– Почему? – Ия тут же насторожилась.

Луп пожал плечами:

– Кто знает, что можно там найти.

Ия не то чтобы испугалась. Просто она научилась доверять Лупу и его суждениям, какими бы странными они ни казались на первый взгляд. Как и говорил Тит, Луп лучше всех знает этот дом, поэтому если он о чем-то предостерегает, то стоит прислушаться. Она и прислушалась – решила, что эта комната станет последней, в которой она наводит порядок.

Однажды Ия бесцельно бродила по коридорам, не зная, чем себя занять. С ней не было Ореста и близнецов: дети перетаскали большую часть фарфоровых статуэток к себе в комнаты и теперь целыми днями играли с ними. А Ия, неожиданно оставшись наедине с собой, без какого-либо занятия, не могла найти себе места в этом огромном доме. Она ходила туда-сюда, пока неожиданно не забрела в библиотеку.

Она совершенно не удивилась, увидев там Юста, а вот Элим стал для нее сюрпризом.

Когда Ия вошла, Юст сухо поприветствовал ее. Судя по всему, он был не очень рад видеть кого-либо в месте, которое считал своим убежищем. Ия не стала обращать внимание на его недовольство, тем более Элиму явно доставляло удовольствие встретить ее здесь.

Библиотека оказалась не такой огромной, какой Ия ее

себе представляла ранее, и уж точно не бесконечной, хотя помещение, где она находилась, имело внушительные размеры и невероятно высокие потолки. Справа располагались огромные окна в форме стрельчатых арок, которые начинались у пола и острыми концами уходили ввысь. На окнах не было занавесок, и за ними просматривался заброшенный сад. По остальным стенам располагались книжные полки, которые тоже начинались у пола и терялись где-то у самого потолка. В центре комнаты стоял круглый стол, заваленный книгами. Некоторые из них были открыты. Неподалеку от стола раскинулись массивные мягкие кресла; в одном из них с фолиантом в руках удобно расположился Юст. Рядом с креслом на полу стояло еще несколько стопок с разноцветными обложками Элим же сидел неподалеку на полу, и рядом с ним так же лежали книги

– Библиотека оказалось не такой большой, как я себе представляла, – подала голос Ия, завершив беглый осмотр.

– Она больше, чем кажется на первый взгляд, – спокойно ответил Юст. – Если ты захочешь дойти вон до той стены, – он кивнул вдаль, на противоположную сторону, – то тебе это никогда не удастся. Однажды я шел несколько дней, но не приблизился к ней ни на сантиметр.

– Еще одна загадка с бесконечностью?

Юст молча кивнул.

Ия еще раз осмотрелась.

– Не понимаю, как я сюда попала. Я даже не думала об

этом месте.

Юст взглянул на Элима, вопросительно приподняв бровь.

– Кажется, это из-за меня, – начал Элим, заливаясь краской. – Я читал книгу. Одна из героинь мне показалась очень похожей на Ию, и... ну я подумал об Ие и...

– Все ясно, – сухо прокомментировал Юст.

– А вот мне ничего не ясно, – вмешалась Ия.

– Библиотека – необычное место, – снизошел до объяснений Юст. – В первый раз сюда можно попасть только по приглашению. Этот юноша думал о тебе и, очевидно, неосознанно захотел, чтобы ты была здесь. И вот ты здесь.

– Хм, – Ия уже начала привыкать воспринимать странности этого дома как данность, без особого удивления. – Ладно, раз уж я здесь, может, мне тоже выбрать себе книгу?

– Пожалуйста, – Юст кивнул в сторону полок.

Ия подошла к одной из них и принялась разглядывать корешки многочисленных томов.

– Нужно выбирать сердцем, а не глазами, – еле слышно произнес Элим.

Юст хмыкнул.

– Я бы назвал это разумом, ведь в нем сосредоточены все наши мысли и чувства. Именно он делает нас нами. Но мой юный друг более сентиментален, поэтому пускай будет «сердцем».

– Я не понимаю, о чем вы говорите.

Тут откуда-то сверху прямо ей в руки упала книга. Ия

вздогнула от неожиданности.

– Вот об этом мы и говорим, – пояснил Элим.

Ия прочитала название:

– «Некоторые аспекты учений о Тьме».

Юст снова хмыкнул.

– Мне кажется, ты слишком много думаешь о Тьме в последнее время.

Ия повертела книгу в руках, открыла ее, пролиставла несколько страниц, потом в сердцах захлопнула.

– Я хотела бы избавиться от нее раз и навсегда!

– Это невозможно. Тьма – обратная сторона света. Не будет тьмы – не будет света. Не будет света – не будет ничего. Мир держится на них.

– Хочешь сказать, что борьба бесполезна?

– Если уж тебе непременно нужно бороться, то борись за Свет, а не с Тьмой.

– Что-то похожее говорил мне и господин Репсимэ, – Ия вздохнула. – Он сказал, чтобы я искала в людях свет, а не тьму.

– Почему же ты его не послушала? – удивился Юст.

– В том то и беда, что послушала... Я увидела свет в глазах того юноши и отговорила его от темного желания. Это стоило ему жизни.

– Я не понял, за что же ты так ненавидишь Тьму? Получается, что его убила вовсе не она.

Ия с силой прикусила губу. Еще раз посмотрев на книгу,

она положила ее на полку.

– Что-то мне расхотелось читать, – мрачно произнесла она и двинулась к выходу.

У самой двери ее догнал Юст.

– Слушай, я живу разумом и потому не всегда понимаю, когда нужно промолчать. Кажется, я обидел тебя. Прости, я не хотел.

Ия взяла его руку и с силой сжала ее, выдавив из себя едва заметную улыбку.

– Тебе не за что извиняться.

Она хотела отпустить его ладонь и продолжить свой путь, но Юст удержал ее.

– Насколько я сумел разобраться, ты служишь Свету. Поэтому ты и должна идти за Светом, а не бежать от Тьмы.

– Я больше не хочу этим заниматься, – тихо ответила Ия.

– Тебя никто не принуждает, – произнес Юст, подумал несколько секунд и продолжил: – Но ступив однажды на этот путь, очень сложно с него свернуть.

– Что ты хочешь этим сказать?

Юст внимательно посмотрел ей в глаза и ответил:

– Время покажет.

Он отпустил ее руку и направился обратно к своему креслу. Проходя мимо продолжавшего все это время сидеть Элима, он очень по-доброму потрепал его по голове, давая понять, что не сердится за незваную гостью. Улыбнувшись, Ия тихонько вышла из библиотеки и осторожно прикрыла за со-

бой дверь.

– Ах, вот ты где! – Луп буквально выскочил к ней из-за угла. – А я всюду тебя ищу. Кто бы мог подумать, что ты решила приобщиться к литературному кружку.

– Я не... – начала было Ия, но потом передумала оправдываться. – Зачем ты меня искал?

– Там внизу тебя спрашивает какой-то мужчина.

– Мужчина? Какой мужчина?

– Откуда мне знать? Мужчина как мужчина.

Ответы Лупа, как обычно, вместо ясности порождали еще больше вопросов.

– А зачем я ему понадобилась?

– Он не захотел говорить мне.

– Ладно... Где он меня ждет?

– У входной двери.

– Ты что же, даже не предложил ему войти?

– Предложил, конечно, я же не невежа. Но он отказался, сказал, что подождет тебя за дверью.

– Ладно, я сейчас узнаю, что он хочет.

Ия осмотрелась по сторонам, не понимая, в какую сторону нужно идти, чтобы попасть к входу.

Луп кивком указал правильное направление. Когда она сделала несколько шагов, вдруг окликнул ее.

– Да, кстати, будь осторожна с тем гостем. Мне он не понравился.

Ия невольно притормозила и обернулась.

– Ох, Луп, ты, как всегда, в своем репертуаре! Что же прикажешь делать?

– Я лишь предупредил, не сказал, чтобы ты не ходила. Нужно все-таки узнать, зачем он пришел. В противном случае я умру от любопытства.

Ия обреченно покачала головой и с уже меньшей охотой отправилась к ожидавшему ее незнакомцу.

По дороге она размышляла, кто этот человек. У нее не было друзей среди мужчин. Если бы пришел отец – хоть она и не рассчитывала, что он когда-нибудь решится навестить ее, – то он не стал бы так скрытничать, а прямо заявил Лупу, кто он. Тут Ия подумала: «А что, если это тот юноша, который, благодаря ей, решил отдать свою жизнь ради спасения сестры?» Эта мысль пробудила в ней оптимизм: вдруг он все еще жив? Окрыленная смутной надеждой, Ия буквально побежала навстречу ожидавшему ее незнакомцу.

Когда, запыхавшись от стремительного бега, она вылетела за дверь, перед ее глазами предстал совсем не тот, кого она всем сердцем хотела увидеть. Ия поначалу не узнала мужчину, стоявшего рядом с крыльцом, но приглядевшись внимательнее, поняла, кто это, и совсем не обрадовалась. Перед ней был тот самый посетитель, который желал заключить важный контракт, и которого она безрезультатно пыталась убедить забрать свое желание. С момента их последней встречи он сильно изменился: лицо стало очень бледным, глаза запали, под ними пролегли темные круги. Но Ию

повергло в ужас другое изменение: небольшая тень, ранее сидящая на плече посетителя господина Репсимэ, превратилась в клубящуюся Тьму, плащом укутывающую мужчину. Увидев ее, Ия в ужасе сделала шаг назад.

– Что вам нужно?

Ию так испугало увиденное, что она позабыла об элементарном приветствии.

Мужчина бросился к Ие, попытался взять за руку, но она в страхе отпрянула. Он замер на месте, в отчаянии схватившись за голову.

– Вы оказались правы! Я не должен был загадывать то желание!

От его прежнего уверенного голоса не осталось и следа, теперь в нем звучали истерические нотки.

– Вы не получили контракт, – глядя на клубящуюся тьму, Ия старалась держаться на расстоянии.

Лицо посетителя исказила неподдельная мука.

– Получил, – голос задрожал, словно мужчина с трудом сдерживал слезы, – мой конкурент потерял груз во время шторма, и контракт с ним не продлили.

– Именно этого вы и хотели, – Ия не могла понять, что его так расстроило, ведь он получил желаемое.

– Да... то есть нет, – он в отчаянии начал расхаживать туда-сюда, словно не находя себе места, – я хотел контракт... Но он, мой конкурент... он покончил с собой. Оказывается, у него были большие долги и... – мужчина не смог произне-

сти фразу до конца: из его груди вырвались рыдания.

Теперь Ие стало понятно, почему маленькая тень трансформировалась в непроглядную тьму.

– Не знаю, что сказать... – вместо жалости Ия чувствовала лишь злость. – Это ведь ваше желание.

С трудом утерев слезы, мужчина остановился напротив нее.

– Я знаю! Но теперь я места себе не нахожу, все время думаю об этом. Не могу есть и спать... Мое сердце разрывается на куски!

– Я предупреждала, что за зло придется заплатить.

На самом деле Ия даже не подозревала, что расплата наступит так быстро.

Мужчина же в отчаянии упал на колени и, безуспешно пытаясь схватить Ию за руку, взмолился:

– Прошу, скажите, как все исправить? Я заплачу любые деньги!

Увертываясь, Ия снова отступила.

– Я не знаю...

– Прошу вас, умоляю! – не унимался он. – Должен быть способ исправить то, что я натворил.

Глядя на его отчаяние, Ия задумалась.

– Приходите завтра.

В порыве чувств мужчина вскочил на ноги. В этот раз ему удалось поймать ее руки, и он, желая продемонстрировать благодарность, попытался их поцеловать. Ия, быстро опом-

нившись, вырвалась и поспешила скрыться в доме.

В растерянности она удалилась к себе в комнату, чтобы собраться с мыслями и скоротать время до вечера. Но не успела закрыться за ней дверь, как раздался стук, и, не дожидаясь ответа, вошел Луп. Ия хотела сделать ему замечание и напомнить, что неплохо бы дождаться разрешения войти, но ограничилась лишь вздохом. Тот факт, что мальчишка начал стучать в дверь, уже был своего рода достижением.

– Ну и чего хотел таинственный посетитель? – Луп тут же приступил к главному.

Ия устало опустила в кресло.

– Он хотел, чтобы я ему помогла.

– В чем?

Ия молчала, уставившись невидящим взглядом в стену.

– Ты не должна ему помогать, – категорично заявил Луп, не дождавшись ответа.

– Почему? – Ия перевела на него удивленный взгляд.

– Потому что он злой.

– С чего ты взял? – она внимательнее всмотрелась в лицо Лупа, стараясь заметить признаки того, что он может, как и она, видеть тени.

Луп выдержал ее взгляд.

– Люди, которым нечего скрывать, не отказываются от приглашения войти в дом и не дергаются без причины.

– А если бы была возможность изменить человека, переманить его на сторону добра? И тогда не стоит помогать?

– Этого не переманишь, – Луп, как всегда, говорил, не торя время на раздумья.

– Откуда ты знаешь?

В ответ Луп просто развернулся и вышел из комнаты так же стремительно, как и вошел. Видимо, он не желал тратить время на рассуждения о вещах, которые считал само собой разумеющимися.

Ия лишь вздохнула и откинулась на спинку кресла.

Дождавшись вечера, она спустилась в приемную и прошла в кабинет господина Репсимэ.

– Есть ли способ искупить вину и избавиться от Тьмы? – начала она вместо приветствия, как только переступила порог кабинета.

Хозяин дома окинул ее внимательным взглядом, словно пытаясь прочесть, что подвигло ее на подобные вопросы. Несмотря на то что посетители уже покинули приемную, он продолжал сидеть в кресле, словно ожидал прихода Ии. После небольшой паузы он ответил:

– Как можно искупить чью-то смерть?

– Вы знаете, о ком речь? – это прозвучало наполовину как вопрос, наполовину как утверждение.

– Я уже неоднократно говорил ранее: я знаю все, что происходит в этом доме. И не только.

Уже привыкнув к подобного рода заявлениям, Ия лишь порадовалась, что ей не придется вдаваться в подробности.

– Но ведь что-то можно предпринять? – Она подошла бли-

же к креслу хозяина и опустилась на стоящий поблизости стул. – Добрые дела компенсируют причиненное зло?

– Они могут облегчить совесть. Но если Тьма проникла в сердце... она уже не уйдет.

– Как ее прогнать?

– Я же сказал, что это невозможно.

– Вы сказали: «Она не уйдет». Но не сказали, что от нее нельзя избавиться каким-то иным способом.

На лице мужчины промелькнула усмешка.

– Ты быстро учишься.

– Итак? – Ия почувствовала воодушевление.

– Если хочешь избавиться его от Тьмы, то можешь забрать ее себе.

– Но тогда она будет в моем сердце!

Возникшее было воодушевление, испарилось без следа.

– Да, – его обычный беспристрастный тон заставил Ию поежиться.

– Но... Я не совершила ничего плохого... – растерянно пробормотала она.

– Это единственный способ. Либо он остается с Тьмой, которую заслужил, либо ты приобретаешь Тьму, которую не заслужила. Решать тебе.

Ия почувствовала, как внутри нее просыпается гнев.

– Это вы исполнили его желание, значит, часть вины лежит на вас. Почему бы вам не забрать Тьму?

– Я не могу, – в голосе господина Репсимэ не было сожа-

ления.

– Почему? – Не выдержав, Ия вскочила со стула.

Он ответил, сохраняя прежнее хладнокровие:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.